

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Легендарный венец,
по преданию принадлежащий
великому Чингисхану, наделяет
необыкновенной силой
и властью своего хозяина.
Его следы затерялись еще в
Средневековье, но предание
гласит, что только избранной
удастся разгадать тайну
«Венца всевластия».

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Венец Чингисхана

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова

Венец Чингисхана

«Автор»

2011

Александрова Н. Н.

Венец Чингисхана / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2011 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-54512-4

Много веков назад легендарный полководец и завоеватель Чингисхан создал одно из величайших государств древнего мира. Им были покорены обширные территории, сотни народов признали его своим властелином и присоединились к Великой монгольской империи. По преданию, молодому Тимуджену помог в этом всемогущий артефакт – венец, обладающий необыкновенной властью и позволяющий повелевать целыми народами. После смерти Чингисхана следы венца затерялись в истории. В наши дни прикоснуться к тайнам прошлого пришлось бывшему менеджеру по рекламе Дине Гузеевой, которая мистическим образом оказывается втянутой в поиски древнего артефакта... Книга также вышла под другим названием: «Шаг над пропастью».

ISBN 978-5-699-54512-4

© Александрова Н. Н., 2011

© Автор, 2011

Наталья Александрова

Венец Чингисхана

– Ну, не знаю. – Крупный, холеный мужчина в дорогом итальянском костюме медленно шел по залу художественной галереи, разглядывая развешанные по стенам картины. – Помоему, ничего особенного... депрессию вызывают...

– Вы не правы, Илья Ильич, – щебетала сопровождавшая его женщина лет сорока, типичная старая дева с искусствоведческим образованием, худосочная особа в длинной коричневой юбке и льняной кофте, с унылым и многозначительным лицом. – Это новое слово в искусстве! Демонический символизм – это направление, за которым будущее...

Мужчина недовольно поморщился и бросил взгляд на картины. Мрачные краски, багровые и пурпурные тона нагоняли на него тоску и неуверенность. На каждом полотне словно лежала печать близкой гибели и разрушения. Да и темы картин были под стать колориту – мрачные руины, полуразрушенные здания, быстро зарастающие колючим кустарником, буйными побегами незнакомых растений. И из каждого угла выглядывали какие-то хищные существа, то ли звери, то ли демоны. Все это было выписано грубыми, резкими, неаккуратными мазками, как будто художник куда-то спешил или не придавал значения тщательности и законченности рисунка.

– Его выставка с успехом прошла в Лондоне, – вещала старая дева, подчеркивая свои слова широкими жестами рук, унизанных многочисленными серебряными перстнями и браслетами. – Его картины покупают ведущие музеи Европы...

Мужчина недовольно морщился, и она добавила последний, убийственный аргумент:

– Несколько его картин купил Белобородов!

– Ну, не знаю... – повторил Илья Ильич. – Мне больше нравится, когда картины тщательно выписаны... и потом, я люблю пожизнерадостнее... в жизни и без того хватает негатива...

– Пожизнерадостнее?! – возмущенно воскликнула женщина, как будто ее спутник сказал что-то неприличное. – Его картины выделяются именно своим мрачным своеобразием! Именно за это их и ценят знатоки! А то, как они выписаны... хочу вам напомнить, что Алоиз – слепой! Одно это делает его уникальным явлением искусства! Вы только вдумайтесь – слепой художник! Такого не было нигде и никогда!

– Как-то я в это не могу поверить... – тоскливо протянул мужчина. – Слепой художник! Как такое может быть?

– Это уникально! – воскликнула искусствоведша. – Это необычайно! В это никто не может поверить, поэтому вы должны увидеть Алоиза собственными глазами! Сами знаете, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать...

Она толкнула дверь и пропустила своего спутника в соседнюю комнату.

Там было темно, Илье Ильичу отчего-то подумалось – темно, как в могиле. Женщина щелкнула выключателем, под потолком вспыхнул яркий свет, и стал виден стоящий перед мольбертом невысокий худощавый человек с длинными, вьющимися, черными как смоль волосами. В руках его были кисть и палитра. Художник быстро, резко коснулся кистью холста, нанес яркий мазок, как будто ударил холст шпагой, и на холсте появилось кроваво-красное пятно, словно кровоточащая рана.

В следующую секунду художник повернулся к двери. На нем были круглые черные очки, какие обычно носят слепые.

– Кто здесь? – спросил он неожиданно звучным, выразительным голосом.

– Это я, Ирина! – ответила старая дева. – Я привела Илью Ильича... я рассказывала о нем, Алоиз...

– Ах да! – Художник повернулся к холсту, нанес еще один удар кистью, еще одну кровавую рану. – Что ж, смотрите сколько угодно, вы мне ничуть не мешаете...

Он наносил на холст мазок за мазком – и картина постепенно оживала, наполнялась мрачной, грозной мощью.

«Жулик, – подумал Илья Ильич, – определенно жулик. Хочет меня на деньги развести. Никакой он не слепой, обыкновенный жулик... все они такие...»

– Я чувствую ваши сомнения, – проговорил художник, словно и впрямь прочитал мысли посетителя. – Что ж, я вполне могу вас понять. Сейчас вокруг развелось так много непорядочных людей, что многие перестали верить даже в очевидное.

Он положил кисти и палитру, повернулся к гостям и снял черные очки.

Илья Ильич почувствовал легкое головокружение.

У художника было удивительно бледное лицо с каким-то необычным желтоватым оттенком. И на этом лице выделялись узкие, вытянутые к вискам глаза без зрачка и радужки – два незрячих белесых провала, два мутных полупрозрачных камня.

Илья Ильич попятился – незрячие глаза художника заглянули прямо в его душу, нашли там все его слабости и пороки, все его забытые детские страхи, вывернули его наизнанку, как застиранную рубашку. Илью словно затянуло в темный водоворот, понесло по быстрой ночной реке, пахнувшей мертвыми цветами...

Он потерял самого себя, растворился в темной воде, его душу охватила тяжелая безвыходная тоска. Казалось, еще мгновение – и его вообще не станет...

Но тут его выбросило волной на берег, и Илья Ильич осознал себя стоящим в просторной комнате позади художественной галереи.

Перед ним находился человек в круглых черных очках, с кистью и палитрой в руках.

– Да... – проговорил Илья Ильич неуверенно, чтобы только не молчать, чтобы убедиться, что голос ему подчиняется. – Да... мне нравится... я куплю у вас несколько картин...

Художник ничего ему не ответил, он снова углубился в работу.

Зато Ирина оживилась, подхватила Илью за локоть и повела к выходу, оживленно щебеча:

– Замечательно! Это верное решение! Кроме всего прочего, картины Алоиза – это замечательное вложение средств, прекрасная инвестиция! Со временем они будут только дорожать...

Она вывела спутника на крыльцо галереи, проследила, как он сел в свой «Мерседес», и вернулась в комнату Алоиза.

Тот отбросил кисть и повернулся.

– Ну как? – спросил с интересом.

– Как всегда блестяще! – воскликнула Ирина восторженно. – Он наш! Впрочем, я в этом ничуть не сомневалась... твоя сила растет день ото дня, ей никто не может противиться...

– Легкий случай, – художник небрежно взмахнул рукой. – Но есть кое-что, о чем мы должны поговорить. Адепты уже собрались?

– Да, они здесь, ждут тебя!

Алоиз сбросил перепачканную краской рубаху, оставшись в черной шелковой водолазке и узких черных брюках, вытер руки смоченным растворителем тампоном и уверенно, как зрячий, подошел к двери, скрытой за японской бамбуковой ширмой. Ирина последовала за ним.

Соседняя комната была обставлена с мрачной, фантастической роскошью. Черные стены покрывала роспись – удивительные золотые цветы переплетались, как будто боролись друг с другом за место под солнцем, под черным солнцем вечной ночи. Потолок тоже был черным, но он был густо усеян крошечными золотыми светильниками, повторяющими карту звездного неба. По стенам стояли золоченые кресла, обитые черным шелком, а в центре возвышался

трон с высокой золотой спинкой, украшенной кроваво-красными камнями. Перед этим тронном стоял небольшой алтарь из полированного черного камня.

Все кресла, кроме одного, были заняты – в них сидели на первый взгляд обыкновенные мужчины и женщины, старые и молодые. Их объединяли только черные шелковые шейные платки.

Ирина села в последнее свободное кресло, Алоиз опустился на трон с золотой спинкой, поднял руки, приветствуя присутствующих, проговорил своим удивительным голосом:

– Здравствуйте, мои верные спутники! Приветствую вас на том пути, который приведет нас к власти и могуществу!

– Здравствуй, Алоиз, наш предводитель! – выдохнули остальные, как один человек.

– Я чувствую, что-то происходит, – продолжил Алоиз озабоченно. – Проснулись какие-то древние силы. Это может быть опасно... хотя, возможно, это только ускорит нашу победу. Соберите силы, адепты, мы проведем обряд...

Ученики Алоиза зашевелились, взволнованно зашептались, взялись за руки, создавая живую цепь, и снова в комнате наступила дрожащая, наэлектризованная тишина, наполненная ожиданием. Алоиз взмахнул рукой, и на алтаре перед ним появилась коническая кучка зеленого кристаллического порошка. Он снова взмахнул рукой – и порошок загорелся тусклым зеленоватым пламенем, и тут же по комнате поплыл дрожащий зеленоватый туман, распространился сладковатый волнующий запах, запах ночной реки, запах мертвых цветов.

И тогда Алоиз снял свои очки и оглядел присутствующих узкими незрячими глазами, похожими на два полупрозрачных зеленоватых камня, два нефрита, две большие персидские бирюзы.

Черный потолок комнаты пришел в движение, золотые звезды, мерцая и переливаясь, заструились в фантастическом танце, заплясали под неслышную музыку, под музыку сфер. Они сплетались в замысловатые узоры, закручивались темными спиралями, драгоценными мерцающими кольцами. Ученики Алоиза закрыли глаза, запрокинули головы, забормотали что-то нечленораздельное, на их лицах проступила печать священного безумия. В едином порыве они вскинули к потолку сцепленные руки – и в ту же секунду все прекратилось: рассеялся зеленоватый туман, исчез сладковатый волнующий запах, и звезды на потолке прекратили свой танец, замерли в новом, незнакомом узор.

Ученики Алоиза открыли глаза, они взволнованно переглядывались, перешептывались, вспоминая недавние видения. А сам художник снял черные очки, запрокинул голову и уставился незрячими глазами на потолок, на новый узор звезд.

Ученики мгновенно затихли: они ждали, что он заговорит.

И он заговорил.

– Меркурий посетил дом Ганимеда... Полярная звезда в третьей четверти... Волопас убывает, а Волосы Вероники на подъеме... Туманность Андромеды поменяла свой узор... Семь великих светил сложились в священный символ пентаграммы. Это случается раз в четырехста лет. Наступают удивительные дни, когда может открыться доступ к источнику великой силы, к священному артефакту моего далекого предка. Мы не должны пропустить этот момент. Я получу священный артефакт, чего бы это ни стоило.

Алоиз замолчал ненадолго, словно вглядываясь в звездный узор своими незрячими глазами. На его смугло-желтое лицо набежала легкая тень, и он добавил значительно тише:

– Одно только смущает меня... Альфа Денеба выбивается из общей картины. Есть какая-то сила, которая может мне помешать. Есть какой-то человек... женщина... и от нее многое зависит. Слишком многое. Без нее... впрочем, это не важно. Наоборот, это даже хорошо – мы используем ее, она станет нашим оружием.

Алоиз взмахнул рукой, словно поставил точку, и опустил незрячие глаза, обвел ими своих притихших учеников, проговорил с оттенком усталости и раздражения:

– Все свободны. Позднее я свяжусь с теми, кто мне понадобится. Я сам сообщу вам о новой встрече.

Ученики послушно разошлись, покинули галерею. Только Ирина задержалась, подошла к Алоизу и озабоченно спросила его:

– Я чувствую, что тебя что-то беспокоит. Все не так просто, как ты сказал остальным?

– Ерунда! – Алоиз поморщился. – Эта женщина... от нее действительно очень многое зависит. Без нее не удастся получить доступ к артефакту. Но мы с ней справимся, она станет нашим орудием. Нашим послушным орудием.

На этот раз я просыпалась медленно, словно каждая клеточка моего тела ждала своей очереди. Вот ушел сон, и уши обрели способность слышать. Хотя слышать было нечего, вокруг стояла глубокая, вязкая тишина, как под водой. Одновременно я ощутила холод в правой руке. Не открывая глаз, я подвигала локтем. Вроде бы помогло, но теперь руку что-то немилосердно кусало и кололо. Я попыталась повернуться, и тут же в уши врезался жуткий скрип.

Голова мгновенно взорвалась резкой болью. Но, как ни странно, от этой боли в ней, в моей больной несчастной голове, несколько прояснилось. И я поняла, что, как ни откладывая неприятное дело, его придется выполнить, а именно: нужно открыть глаза. Я полежала еще немного, собираясь с духом, и наконец приоткрыла глаза. И тут же с глухим стоном закрыла их снова.

Ничего не изменилось за ночь. Я нахожусь все там же – в ужасной комнате, оклеенной жуткими обоями в розовый цветочек, с окном без занавесок и с железной дверью. С первого взгляда кажется, что дверь выходит прямо на улицу, но нет, в последние несколько дней я поняла, для чего прежние жильцы поставили именно такую дверь, а не обычную, межкомнатную.

Не открывая глаз, я села на кровати, которая снова издала жуткий ревматический скрип. Потому что это не обычная деревянная кровать, а старое железное чудовище, с пружинами, которые невыносимо скрипят, когда чуть двинешься. Лет пятьдесят назад школьники сдавали такое в металлолом. В комнате вообще нет никакой мебели, только несколько картонных коробок с остатками моих вещей, да еще старая табуретка, которую мне дала дворничиха тетя Люся – добрая душа.

Что ж, дальше тянуть нельзя. И я решительно открыла глаза.

По выражению ослика Иа-Иа, и тут ничуть не лучше. Я ощупала руками лицо, потом плечи. Вроде бы все цело. Что ж, нужно начинать новый день. Еще один день в череде таких же отвратительных дней, которые выдаются у меня в последние три месяца.

Хотя, видит Бог, совершенно не понимаю, зачем его начинать. Не лучше ли оставить все как есть, накрыться с головой колючим, пахнущим нищетой и дезинфекцией одеялом и лежать, лежать...

Мда-а... человек может четырнадцать дней жить без еды. И два дня без воды. А мне уже сейчас хочется пить. А еще умыться и все такое прочее. И ничего тут не поделаешь, придется вылезать из окопа.

Я натянула старые спортивные штаны и майку, затем подошла к двери и прислушалась. Тишина, как в могиле.

Я осторожно повернула ключ в двери и высунула голову в коридор.

«Мамай прошел!» – говорит та же дворничиха тетя Люся, и в данном случае я с ней совершенно согласна.

Коридор в этой квартире длинный и узкий – «кишкой», как говорят, в него выходят двери комнат и туалета. А в ванную вход из кухни. Ничего странного, дом старый, ванну поставили уже потом, для этого отгородили кусок кухни.

Линолеум возле моей двери был весь изрезан ножом. Вешалка, на которой болталось всякое барахло (не найдется таких идиотов, которые станут оставлять приличную одежду в коммунальном коридоре), сейчас валялась на полу, и беголки там же. На вытертом донельзя коврик у входной двери было разлито что-то липкое и вонючее. Моя собственная дверь тоже была вымазана этой подозрительной субстанцией.

Злость заглушили другие эмоции и желания – хотелось пить, есть и вымыться хотя бы холодной водой. Поэтому я осторожно сделала несколько шагов по коридору в сторону туалета.

В квартире по-прежнему стояла могильная тишина. Но я – стреляный воробей, меня на такой мякине не проведешь. Однако все обошлось, теперь посетим кухню с целью обнаружения чайника.

Кухня напоминала пейзаж после битвы. Все шкафы раскрыты и разломаны, вилка холодильника с мясом выдрана из сети, и сам холодильник валяется на боку. Только чугунная газовая плита, поставленная примерно году в пятьдесят втором (я так думаю, но может, и раньше), стоит на прежнем месте целая и неповрежденная – умели раньше делать вещи, ничего не скажешь!

На полу валяются кастрюли, ножи, вилки и осколки посуды. И моя единственная чашка, теперь без ручки. На плите грелся большой закопченный чайник. Что ж, очень кстати, сейчас приму душ и выпью растворимого кофе, это бодрит.

Я сунулась в ванную и застыла на месте.

Двери ванной комнаты не было. То есть она была, но сорванная с петель и изрубленная топором едва ли не в щепки. Остатки стояли рядом, прислоненные к стене.

И как же прикажете принимать душ? Вот тут я по-настоящему разошлась. Но это были еще цветочки, потому что ягодки я увидела тотчас же. Покореженный водогрей валялся на полу. Но потопа, как ни странно, не было, кто-то перекрыл кран. Так, стало быть, воды нету. Я почувствовала, что закипаю.

Чугунная ванна, образца примерно того же года, что и газовая плита, способна была выдержать атомный взрыв. Но в ней валялся окровавленный топор. Да-да, топор и лужа крови, как в кино.

Может, вы думаете, что я испугалась? А вот и нет, я тихо обрадовалась. Значит, этот монстр кого-то зарубил, и теперь его, наконец, посадят. Уже лучше!

Я радостно вернулась на кухню и умылась там под краном ледяной водой. А когда открыла глаза, успела заметить, как в оконном стекле мелькнула тень.

Сердце дернулось от страха. Я мигом крутанулась на пятках и отпрыгнула в сторону. Видимо, под влиянием постоянной опасности у меня выработались новые рефлексy.

На пороге стояла старуха. Все тот же застиранный халат в мелкий цветочек, розовая кожа, просвечивающая сквозь редкие волосики на голове, и нежная младенческая улыбка.

– Холера вам в бок! – с чувством проговорила я. – Напугали до полусмерти!

Старуха не ответила, она все так же невинно и лучезарно улыбалась. При первом знакомстве мне сказали только, что бабка глуха как пень, потом я определила, что старушенция в полном маразме.

Я выхватила у бабки из рук красивую чашку с петухом на боку и налила в нее кипятку из старухиногo чайника. Она хоть и в маразме, но газ включать-выключать умеет. Ничего, перебьется, из граненогo стакана попьет. Если найдет его в этом кошмаре. Затем я присела на корточки и попыталась открыть холодильник, лежавший на боку. Удалось с третьего раза.

Так, что тут у нас? Полпачки масла, колбаса сомнительного вида... ага, варенье. Удивительно, что банка не разбилась.

Холодильник чужой, и продукты тоже, но после вчерашнего у меня развязаны руки.

Я выложила бабке колбасу – мне чужогo не жалко – и честно поделилась с ней маслом. Потом прихватила продукты и чашку с кипятком и потопала по коридору к себе.

И хорошо, что умная мысль пришла мне в голову уже в комнате, иначе я обязательно со страху вылила бы на себя кипяток. Мысль была проста и логична: если мы со старухой обе живы, то кого же тогда зарубил топором этот урод?

В квартире больше никого не было, Анька еще днем убежала к матери. Дворничиха тетя Люся позвонила ей на работу – твой, кричит, снова запил, срочная эвакуация! Ну, у Аньки все отработано – документы всегда при себе, деньги тоже, вещички кой-какие она у мамаша хранит. Еще бы не натренироваться за столько лет! А я, как полная дура, осталась дома. Хотя деваться мне все равно некуда. Ну, об этом после.

А сейчас нужно быстренько выяснить, кого он убил. Неужели сам себя? Нет, даже мечтать об этом не стану, такого везения просто не может быть.

Я сунула в чашку чайный пакетик и снова выскочила в коридор. Топор по-прежнему валялся в ванне, я нагнулась пониже и почувствовала кислый запах. В красной луже были осколки стекла, и вблизи стало ясно, что это вовсе не кровь, а давленные помидоры. У Аньки в буфете хранится куча домашних консервов, так этот урод просто разбил банку топором. Черт, как жалко-то... Не помидоров, ясное дело.

Тут из комнаты соседей раздался не то хрип, не то стон, не то вой, и я одним прыжком очутилась у себя. Тщательно заперев дверь на все замки, я достала из картонной коробки половину батона, ножик и пачку кускового сахара. Половину батона я разрежала вдоль, намазала куски маслом и положила бабкиного абрикосового варенья. Не знаю, кто у них его варит, но варенье вкусное. Положив в чашку три куса сахара, я уселась завтракать, вместо стола используя широкий подоконник.

Пейзаж за окном не слишком радовал – окно выходило во двор, напротив была стена дома без окон, а внизу – помойка, на которой дружно копошились бомжи и кошки.

Ну, такие мелочи меня теперь не могут расстроить. Я прихлебывала сладкий чай, откусывала огромные куски булки с вареньем и в который раз раздумывала, как же дошла я до нынешней своей жизни, хотя назвать мое существование жизнью можно с большой натяжкой.

Мне двадцать восемь лет, из которых почти десять я прожила самостоятельно, а именно: на собственные деньги. Никто не помогал, никто не заботился, соломки не подкладывал перед тем, как упасть. Впрочем, я и не падала.

Я – поздний ребенок, неожиданный и нежеланный. Мать родила меня, когда ей было сорок пять лет. Она слишком поздно поняла, что беременна, уже ничего нельзя было сделать. Мне рассказывали, что отец, когда узнал о беременности жены, произнес только одну фразу: «За что ты устроила мне такую подлянку?» Впрочем, сам он отомстил ей еще круче – умер через месяц после моего рождения. Имелся у меня еще старший братишка семнадцати лет, который, узнав о том, что у него будет сестренка, только покрутил пальцем у виска. Вскорости он улепетнул в армию, и мать осталась бедовать со мной в полном одиночестве, потому что родственники тоже от нее отвернулись, уж не знаю почему.

Жили мы бедновато, я поняла это в самом раннем детстве. Брат вернулся и с тех пор то пропадал где-то у друзей или у девиц, то возвращался в нашу маленькую двухкомнатную квартирку. Отношения у нас всех троих были плохие, мать бесконечно ворчала на брата, что толком не работает и не приносит денег в семью, он вяло отругивался, что не нанимался нас кормить. На меня мать все время орала, видно было невооруженным глазом, что я ее раздражала самым фактом своего существования, и во всех своих бедах она винила меня.

Брат, наконец, окончательно ушел из квартиры, оказалось, женился, но невесту свою нам даже не показал, не говоря уже о том, чтобы на свадьбу пригласить. Мать здорово расстроилась, а я только плечами пожала – была, как говорится, нужда. Помню, мать посмотрела на меня тогда странным долгим взглядом и спросила грустно и серьезно: «Как же ты жить-то будешь?»

«Да уж получше тебя!» – хотелось ответить, но я ничего не сказала, только снова пожала плечами.

Годам к пятнадцати я твердо усвоила, что в жизни пробиваться буду сама, собственными локтями, мне никто не поможет – некому. Отца давно нету, мать пожилая, брат если и мог бы, все равно не захотел. Стало быть, рассчитывать я могу только на себя. Но это не так плохо – заботиться только о себе любимой.

Когда я оканчивала школу, матери дали бесплатную путевку в санаторий. Она вернулась довольная, блестя глазами, и через некоторое время объявила, что выходит замуж, встретила, дескать, там вдовца-пенсионера с квартирой.

С квартирой – это хорошо, оживилась я, так что совет да любовь, за здоровье молодых, и все такое прочее. Вскоре выяснилось, однако, что вдовец имеет двух взрослых дочерей и, соответственно, зятьев и внуков. И вся эта кодла встала насмерть и не пускала мать в его трехкомнатную квартиру. Молодожены просились в нашу, но я сказала твердо – не пуцу ни за какие пряники. Нам тут только вдовца не хватало!

Вдовец оказался человеком решительным и без долгих раздумий увез мать в деревню, там у него был какой-то дом. Родня его на этот дом не претендовала.

После отъезда матери ко мне явился брат с женой и ребенком. Он сказал, что квартиру они снимать больше не могут, средства не позволяют, поскольку работает он один, а жена снова беременна, так что жить они будут здесь.

«Вот радость-то!» – я поморщилась, но делать нечего – квартира точно так же его, как и моя.

Пока они устраивались, я успела поступить в институт и найти временную работу. Как уже говорилось, я твердо знала, что пробиваться в жизни мне предстоит самой, так что необходимо получить образование, если я хочу достичь в жизни каких-то высот.

А я хотела. И смотрела на жизнь здраво. Во всяком случае, надеяться на то, что на улице меня подхватит принц на белом «Мерседесе», я перестала еще в детском саду. Вариант богатого мужа, который станет меня содержать, холить и лелеять, я отмела сразу. Даже если каким-то чудом попадется мне богатый муж, это ненадежно. Сегодня он есть, а завтра его нету.

Институт я выбрала серьезный, поступила туда на факультет «компьютерные технологии». Я вообще очень умная и сообразительная, в школе училась хорошо.

Через год уже нашла работу по специальности на неполный день.

У брата к тому времени родился еще один ребенок, и невестка пыталась приспособить меня в бесплатные помощницы. Сбегай в магазин за молоком, погуляй с маленьким, заведи из садика старшего...

Я не люблю скандалить, поэтому объяснила ей твердо, что время у меня расписано по минутам, что я учусь и работаю, а еще нужно заботиться о своей внешности и заниматься спортом, чтобы быть всегда в тонусе. И работать бесплатной няней я просто не могу себе позволить.

Невестка отвернулась и пробормотала, что это все же мои племянники. Я молча пожала плечами, и тема была закрыта.

Наверно, она сказала что-то брату, потому что тем вечером он посматривал на меня со странным выражением, прямо как мать, уезжая в деревню.

Вообще, с возрастом он стал очень похож на мать. Чего не скажешь обо мне. Но я по этому поводу не очень сокрушаюсь – мать и в юности красавицей не была. Очевидно, я удалась в отцовскую родню, потому что мать с братом русые, светлобровые, а я – брюнетка с темными, очень яркими глазами.

Между делом я окончила институт, сменила несколько мест работы и наконец нашла вполне приличную фирму, где твердо настроилась сделать карьеру.

И за несколько лет в этом преуспела, потому что из рядовой сотрудницы превратилась в заместителя начальника отдела. Разумеется, мне стоило это много трудов и нервов. Но, как уже

говорилось, я знала, на что шла, у меня в жизни была цель – самостоятельно достичь всяческого материального благополучия и финансовой независимости. Конечно, для этого понадобилось совершить парочку не слишком красивых поступков, но ведь это не я придумала крылатое выражение, что цель оправдывает средства.

Когда я первый раз метила на повышение, конкуренцию мне составила Лиза Белова. Она работала в фирме давно, пришла значительно раньше меня, и по всему выходило так, что начальство остановится на ее кандидатуре. И тут я совершенно случайно увидела ее в клинике выходящей из кабинета гинеколога.

Все знали, что у Лизы проблемы с деторождением, от нее и муж поэтому ушел. Я была заинтригована, а заглянуть в ее медицинскую карту не составило труда – я подождала, когда Лиза сдаст карту в регистратуру, подошла следом, отослала сестричку за своим мифическим анализом и успела прочитать о Лизиной беременности.

Вот как, на тридцать пятом году жизни она, разумеется, решится рожать, несмотря на отсутствие мужа.

Мне понадобилось всего два часа для того, чтобы все, включая начальство, узнали об этом факте. С повышением ей пришлось распрощаться – начальство себе не враг, зачем зря деньги тратить, если сотрудница все равно уйдет на полтора года. Сама Лиза ничего мне не сказала, но ее подружка плюнула в мой бокал с шампанским, когда я проставлялась по поводу своего повышения. Через полгода, когда в компании начались сокращения в связи с подступающим кризисом, ее выгнали первую.

Разумеется, я вовремя шепнула словечко кое-кому, но в этом случае ни капельки не стыжусь – нечего плевать.

Второй случай был посложнее.

Наша фирма вообще-то специализировалась на рекламе и продажах в Интернете, а также на всевозможных денежных расчетах и платежах опять-таки в Интернете. Был очень крупный заказ на рекламу, и всем стало ясно, что тот, кто будет курировать этот заказ, при успешном его завершении получит место заместителя начальника отдела. Опять-таки основных претендентов было двое – я и Шурик. То есть на самом деле только он. Во-первых, мужчина, а во-вторых, Шурик у нас был большой умница, очень толковый парень. Но я-то твердо знаю, что если сама о себе не позабочусь, никто за меня этого делать не станет!

Я прикидывала так и этак, раздумывала на рабочем месте и дома и наконец сообразила, что судьба подбросила мне шанс.

Был какой-то корпоративный праздник, кажется, день рождения фирмы, да еще круглая дата, так что мы отмечали его в ресторане всем коллективом.

Шеф наш жуткий бабник. Он не спит с чужими женами, не тратит деньги на девиц из шоу-бизнеса, он раз в полгода тихо меняет секретарш. Причем, что удивительно, девушки все абсолютно одинаковые – небольшого роста хрупкие блондиночки с круглыми голубыми глазами. Они настолько одинаковые, что кажется, будто сошли с одного конвейера! Шутники наши долго изощрялись по этому поводу, потом все привыкли. Ну, фишка у человека такая.

В то время шеф находился малость не у дел: прежняя секретарша незадолго до того уволилась, а новая только заступила на трудовую вахту и еще не успела осознать, что ей предстоит.

Симпатичная такая девчушка-хохотушка, вся в кудряшках, на щеках ямочки, зовут Леночкой. На празднике ее смех слышался везде. А на следующий день фотограф принес снимки.

Дело было к вечеру, народу осталось мало, все потихоньку разбежались. Ну, кто остался, перебрали снимки, забрали свои. Одна фотка мне понравилась. На ней Шурик танцевал с Леночкой. И не обнимались они, и не целовались, но так умильно друг на друга смотрели, что сразу возникали на их счет разные мысли. А может, фотограф просто снял их в таком ракурсе. Или разглядел то, что они сами еще не поняли.

Короче, я дождалась, когда Леночка уйдет, и положила пачку снимков на ее стол, а тот, интересный, был сверху.

Шеф наш не только бабник, но еще и трудоголик, он приходит на работу раньше других сотрудников, говорит, тогда его ничто не отвлекает, никто не мешает творить. А снимок тот лежал на самом виду, он не мог его не заметить.

Через три дня Шурика уволили: шеф решил не рисковать.

Курировала заказ я, выполнили его вовремя и с блеском – как я уже говорила, я очень умная и ответственная, а еще работающая. Должность заместителя начальника отдела я получила по окончании заказа – все как обещали.

Шурик работу нашел быстро, он парень способный. Леночка походила недельку с заплаканными глазами, потом съездила с шефом в Таиланд и утешилась. Сотрудники если и пронюхали о моем участии в увольнении Шурика, поостереглись что-либо говорить. К тому времени в коллективе обо мне сложилось мнение как о женщине с твердым характером, которая знает, чего хочет. К цели своей идет упрямо, и лучше не становиться у нее на пути...

Да... как давно это было... Я усмехнулась, глядя во двор. Он по-прежнему был пуст. Сейчас еще рано... Я поискала свои часы – кажется, единственный предмет, оставшийся у меня от прежней жизни. Боюсь, что скоро придется и его лишиться. Но после всего, что со мной случилось, глупо жалеть о золотой безделушке.

За дверью послышался какой-то шум, потом грохот, потом дикий вой. Так, началось, Витька проснулся. Что-то громко звякнуло и покатилося по полу, затем раздался плеск.

Кажется, этот урод своротил раковину на кухне. Может, оно и к лучшему, зальет соседей снизу, те вызовут аварийку, а может, и милицию... Хотя все в доме уже про этого козла знают и боятся связываться.

Я допила остывший чай и, чтобы отвлечься, стала думать о прежней жизни.

Прошло еще какое-то время, и я заскучала. Вроде бы карьера потихоньку шла в гору, зарплата вполне приличная. Захотелось чего-то нового. А то все работа да работа, так и жизнь пройдет.

На мои грешные мысли повлияло еще одно событие – традиционный сбор класса. Собирался наш класс каждый год, только я не ходила за полным отсутствием свободного времени, а если честно, то и желания. А теперь, когда позвонила Милка Симонова, бывшая наша староста класса, я вдруг неожиданно для себя сказала, что приду. Кажется, Милка удивилась, но виду не подала.

Вы не поверите, но я единственная была на том вечере одна, без пары. Оказывается, эти сволочи давно уже договорились приходить не поодиночке, а со спутниками. Так, дескать, интереснее, а то начнем вспоминать школьные годы чудесные, а мы еще не старики, и ни к чему на этом заикливаться. Да и вспоминать-то, если честно, особо нечего. Школа у нас была так себе, учителя противные, кроме математички, но она была сильно пожилая и уже, кажется, умерла. Так что сбор класса – это просто тусовка, новые люди, новые лица.

В общем, я нарушила симметрию. И это всем бросилось в глаза. Подозреваю, что зараза Милка нарочно мне ничего не сказала. Правда, когда я ее увидела, то почти все простила – Милка дико растолстела, размера до пятьдесят восьмого.

Она перехватила мой пренебрежительный взгляд и тут же сообщила, что беременна вторым и третьим ребенком. Будет двойня, оба мальчики. И первый тоже мальчик.

– Ты что, совсем рехнулась? – оторопела я. – Нам же только по двадцать шесть...

– Раньше сядешь, раньше выйдешь! – рассмеялась Милка, и все с ней согласились.

Через полчаса я горько пожалела, что явилась на встречу. Девчонки все были замужем, две уже в разводе, а одна – первая наша красавица Карина – уже вышла второй раз. Разговоры шли только о свадьбах и рождении детей. Они все дружили домами, ремонтировали квартиры

и ездили отдыхать, в основном в Турцию. И обменивались детскими вещами, и рекомендовали друг другу детские сады и школы, так что я, сами понимаете, в общем разговоре не участвовала.

Парни, конечно, проявляли ко мне интерес и говорили комплименты, я действительно выгляжу очень эффектно и одеваюсь дорого и стильно, так что могу произвести впечатление не только на бывших одноклассников, но их жены или подружки стояли на страже и смотрели на меня зверски.

О работе не беседовал никто, да и мне, честно говоря, не хотелось. Что я могла сказать? Как неустанно и упорно делаю карьеру? Как не даю себе расслабиться ни на минуту, как постоянно сижу на строжайшей диете, чтобы не прибавить лишних сто граммов, как истязая себя два раза в неделю в тренажерном зале, и все это для того, чтобы выглядеть безупречной деловой леди?

Впрочем, я она, леди, и есть, а мои одноклассницы все без исключения клуши, хотя некоторые и выглядят неплохо. Это пока молодые, я-то знаю. И на что они надеются? На мужей? На родителей? Я-то этого себе позволить не могу...

Да, но все же подобрать себе спутника на эту вечеринку я могла бы. Тогда подружки не смотрели бы на меня с таким превосходством...

Впрочем, что это я? Какие они мне подружки? Просто мы учились когда-то в одном классе, и совершенно не обязательно считать этих людей близкими. Честно говоря, я никогда не понимала ярых почитателей школьного братства.

В общем, после той вечеринки я призадумалась.

Не могу сказать, что мужчинам не было места в моей жизни – как уже говорилось, я вовсе не уродина, могу произвести впечатление, так что мужчины оказывали мне внимание. Но я сама сразу давала понять, что не стремлюсь к долгим серьезным отношениям – мне нужно делать карьеру и заботиться о собственном будущем, а не варить мужу борщи и жарить котлеты. Так что романы мои длились обычно недолго – пару месяцев, и все, расставались без взаимных обид.

Одноклассницы дружно пытались учить меня жить. Дескать, в наше трудное время о замужестве надо думать серьезно и непременно заранее. Где-то в двадцать три присмотреть себе подходящего кандидата, к двадцати пяти ненавязчиво подвести его к мысли о женитьбе, а к двадцати семи родить первого ребенка. Сами-то они все сделали раньше, но лучше потопириться, как утверждала Милка, чем не успеть. Потому что мужики после тридцати наглеют и, забалованные бабами, жениться не хотят. А если и женятся, то, козлы такие, обязательно выбирают восемнадцатилетнюю модель.

Милка и в школе любила порассуждать на отвлеченные темы, даже собиралась поступать на философский факультет университета. Не всерьез, конечно, родителей пугала.

В общем, я подумала тогда, что со временем мне понадобится статус замужней женщины, это для карьеры полезно. Сейчас, конечно, рановато вешать себе на шею этот хомут, но и слишком тянуть с этим не стоит, Милка где-то права. После тридцати найти приличного человека становится все труднее.

Но легко сказать, а трудно сделать, потому что мне нужен муж как минимум с квартирой, не в свою же двушку его приводить, там нас как сельдей в бочке – брат с женой, детей двое, да еще мать иногда приезжает из своей деревни.

И вот, пока я раздумывала на эту тему, судьба преподнесла мне неожиданный подарок.

В тот день я заболела. Вообще-то болею я крайне редко, потому что, как уже говорилось, озабочена тем, чтобы сделать карьеру, а кому понадобится сотрудница, которая все время ноет, жалуется и регулярно берет больничный? Поэтому я тщательно слежу за своим здоровьем – питаюсь правильно, занимаюсь спортом, принимаю витамины. Если нагрянет грипп, то стараюсь как-то перемочься на ногах, отгулы взять, в выходные отлежаться.

На этот раз все было очень серьезно, с утра я проснулась больной, но все же пошла на работу. А после обеда едва не упала в обморок на совещании. Мой непосредственный шеф Вася Кротов всполошился и вытащил из стола градусник. У меня было 39,5. Вася мигом выпер меня из кабинета. Хорошо, что накануне я отдала машину на профилактику, за руль сесть в таком состоянии не смогла бы.

Короче, я провалялась дома два дня, а на третий встала и побрела на кухню, чтобы сделать себе чаю. Дома никого не было – брат на работе, старший племянник в школе, невестка с младшим ушла в поликлинику или еще куда-то, я не вникала. И вот, будучи на кухне, я услышала звонок телефона. Аппарат стоял рядом, и если бы он не звенел так в моей больной голове, я ни за что не сняла бы трубку.

Звонила женщина, судя по голосу, пожилая. Она просила позвать мою мать, но я сказала, что такая здесь не живет, чтобы не объяснять долго. Тогда она поинтересовалась, кто я такая, и хоть очень хотелось бросить трубку, сработал офисный инстинкт – никогда не хамить по телефону незнакомому человеку, он может оказаться твоим новым шефом или проверяющим из головного офиса. Я оказалась права, потому что старуха представилась сестрой моего отца, стало быть, мне она приходилась родной теткой. Она сказала, что сильно болеет, находится сейчас в больнице и хотела бы увидеться с родственниками, пока не поздно.

И снова я не послала ее подальше, хотя имела на это полное право, поскольку никогда в жизни ее не видела. Где эти родственники были раньше, когда мы с матерью бедствовали и едва не голодали?

Но я собралась и поехала в больницу, несмотря на слабость и головокружение.

Тетка была плоха, это я отметила сразу же, как вошла в палату. Она была бледная, какого-то синюшного цвета, дышала с трудом, губы совершенно белые.

– Диночка... – прохрипела она едва слышно, – как ты похожа на мою мать...

Я скривилась – бабку свою тоже никогда не видела, так что сказать все что угодно можно. Тетка правильно истолковала выражение моего лица, пробормотала, что она очень виновата, после смерти моего отца, ее брата, она поссорилась с моей матерью и не интересовалась нашей жизнью. Но теперь ей больше совершенно не к кому обратиться, ей нужна срочная операция на сердце, а ждать очереди на бесплатную она не может, просто не доживет.

В этом месте она замолчала и лежала долго, дыша с видимым трудом.

– И что? – наконец спросила я. – С чего вы взяли, что я так просто дам вам эти деньги? Не малые, между прочим, деньги, и у меня их вообще нету...

Разумеется, не просто так, бормотала тетка, она понимает, что ей рассчитывать на мое хорошее отношение глупо. Но в обмен на деньги она согласна завещать мне свою квартиру. Она могла бы обратиться к посторонним людям, ей предлагало свои услуги какое-то подозрительное агентство, но она им не доверяет, уж больно жуликоватый вид у их представителя.

Я не могла не признать, что тетка хоть и больна, но соображает здраво. И надолго задумалась. Если продать машину, все равно она старая, я собиралась ее менять, и у меня есть кое-какие накопления, так что нужную сумму я соберу.

– Не завещание... – твердо сказала я, – не завещание, а дарственную на квартиру. Причем баш на баш, я вам – деньги, вы мне – дарственную. Нотариуса я своего приведу.

– А как же я потом? – заикнулась было тетка, но вдруг закатила глаза и сомлела.

А потом, когда врачи и медсестры перестали бегать вокруг, она открыла глаза и сказала, что согласна на все.

Через три дня оформили документы, и я получила в дар однокомнатную квартирку на первом этаже шестнадцатиэтажного дома. Как в старой частушке поется – я живу в высотном доме, но в подвальном этаже...

Тетка умерла во время операции – не выдержала наркоза. Напутали они там что или просто не повезло – я не уточняла. Но вид дарственной побудил меня взять на себя все расходы

на похороны. Там выяснилось, что я поступила очень умно, потребовав от нее дарственную на квартиру, потому что моя родня, услышав про это, просто взбеленилась. Они требовали, чтобы я продала эту квартиру и поделила деньги на всех. Мать кричала, что их дом в деревне совсем обветшал, что нужно чинить крышу и копать новый колодец. Брат орал, что у него дети и жена не работает, у нее давление, а я обманом втерлась в доверие к тетке и так далее.

Мне все это надоело, и я послала их всех подальше, после чего собрала вещи и съехала в ту самую теткину квартиру.

Это было два года назад, с тех пор я понятия не имею, как там мои родственнички проживают. Не знаю и знать не хочу, потому что брат на прощанье обозвал меня такими словами, что даже его жена вздрогнула и прижала к себе детей.

«Зря я тебя родила, – вторила ему мать, – и отец из-за тебя умер...»

Вот так вот. Ну что ж, я посчитала, что никто никому ничего не должен, и выбросила их всех из головы.

Обстановка в квартире у тетки была бедновата, сама квартира давно требовала ремонта. Когда у меня дошли до этого руки, я для начала разобрала все шкафы и кладовку. На антресолях в самом дальнем углу нашла коробку со старыми фотографиями и еще какие-то бумажки. На пожелтевших от времени листках были записи, сделанные наклонным почерком, принятым в старину.

...Маленькая косматая лошаденка вылетела из высокого ковыля, морда ее была покрыта розовой пеной, зубы оскалены, бока ходили ходуном. Верхом на ней сидел без седла, обхватив бока кривыми ногами, одноглазый раб-меркит по имени Вогуз. Он тоже тяжело дышал, единственный глаз был выпучен от страха.

– Госпожа! – выпалил, свесившись с лошади. – Беда, госпожа, беда! Надо уходить!

– Говори толком, – проговорила госпожа Оулэн, неодобрительно взглянув на раба. – Говори толком, что стряслось! И говори с госпожой как подобает!

– Люди Таргултая! – выпалил меркит и кубарем скатился с лошади, подбежал к госпоже Оулэн, низко склонился перед ней, снизу сверкнул бешеным глазом и повторил: – Беда, знатная госпожа! Люди Таргултая, знатная госпожа!

– Собираться, быстро! – приказала госпожа Оулэн и огляделась. – Где господин Тимуджен?

Служанки засуетились, разбирая юрту, торопливо складывая нехитрые пожитки, увязывая их в тугие тюки, укладывая в седельные сумки. Они уже привыкли то и дело срывать с места, менять стоянку порой посреди ночи.

Вот уже несколько месяцев госпожа Оулэн с детьми и немногими слугами кочевала по степи, скрываясь от людей нового вождя Таргултая, родича покойного мужа.

Года еще не прошло с тех пор, как ее супруг Есугей-багатур правил необозримыми землями от Онона до Керулена. Стада его были неисчислимы, под его знаменем из ижуры белого яка собиралось два тумена – двадцать тысяч воинов. Вожди сильных и многолюдных монгольских родов были с ним в дружбе. И она, Оулэн, старшая жена вождя, мать его первенца, не знала ни в чем недостатка. Богатая юрта, верные слуги, дорогая утварь – все было у нее. Целый сундук золотых украшений везли ее люди на спине белой кобылицы.

И все это рухнуло в один день.

Есугей-багатур поехал сватать своего девятилетнего сына, своего первенца Тимуджена. Он присмотрел ему невесту, десятилетнюю девочку из знатного хунгаритского рода, оставил Тимуджена в семье невесты, чтобы будущие муж и жена пригляделись друг к другу, и поехал домой, в родной улус. В пути Есугей остановился на стоянке татар, и там его отравили. Он вернулся в свой улус тяжелобольным, проболел несколько дней и умер.

Узнав о смерти отца, Тимуджен покинул стоянку хунгаритов и помчался домой. Его мать, госпожа Оулэн, собрала старейшин племен, чтобы потребовать от них присяги юному хану. Но старейшины переговорили между собой, и старший из них, Кучулук, вышел вперед, поклонился овдовевшей ханше и проговорил:

– Даже самые глубокие колодцы высыхают, даже самые твердые камни рассыпаются, даже самые полноводные реки мелеют, почему мы должны оставаться верными тебе и твоему сыну? Тимуджен – еще ребенок. Много лет пройдет, прежде чем он станет воином и вождем. Мы не можем ждать так долго. Мы уйдем к Таргултаю. Он – родич твоего мужа, славный воин, ему сопутствует удача, и нам она будет сопутствовать под его знаменем!

Госпожа Оулэн хотела достойно ответить старейшинам, хотела сказать, что ее сын Тимуджен уже сейчас настоящий воин и настоящий вождь и что придет время, когда он воздаст каждому и за верность, и за предательство, и за трусость, и за мужество, но отвечать было уже некому: старейшины умчались в улус Таргултая, оставив позади только пыль из-под копыт, да ячий навоз, да нескольких верных слуг, да восемь лошадей. Да еще – знамя покойного Есугей-багатура, знамя из шкуры белого яка с девятью хвостами по числу монгольских родов, которые шли в бой под этим знаменем. Знамя, на котором был вышит черный ворон, предок Есугей-багатура...

– Собираться, быстро! – повторила госпожа Оулэн и схватила за повод рослую кобылицу с белым пятном на лбу.

Но не успела она подняться в седло – с четырех сторон от юрты поднялась пыль, и в клубах этой пыли появились мрачные воины в медных шлемах и кожаных безрукавках.

Десять воинов на небольших косматых степных конях.

Старая служанка охнула, выронила узел с посудой. Медный котел загремел, покатился под ноги лошади. Лошадь пугливо скосила карий глаз, переступила мохнатыми ногами.

– Где твой волчонок? – выкрикнул старший отряда, натянув повод и озираясь по сторонам. – Где Тимуджен, твой первенец? Наш владыка великий воин Таргултай велел привезти его в свою ставку. Он хочет увидеть этого волчонка...

– Здесь нет моего сына! – гордо ответила госпожа Оулэн. – Можете обыскать мою стоянку.

– И обыщем, – ответил десятник, взглянув исподлобья. – Если понадобится, каждый тук перероем!

– Вот он! – раздался голос из-за юрты, и приземистый ойрат с длинными висячими усами выволоч упирающегося мальчишку в рваном кожухе. – Вот паценок!

– Я – сын Есугей-багатура! – проговорил Тимуджен, пытаясь приосаниться. – Я – ваш законный вождь! Вы должны служить мне, или вас постигнет страшная месть!

– В колодку щенка! – распорядился десятник и добавил: – Скорее небо обрушится на землю, скорее Онон и Керулен потекут вспять, в далекие снежные горы, чем исполнится угроза десятилетнего мальчишки!

Воины надели на шею Тимуджена две широкие доски с круглым отверстием, туго связали их веревками. Теперь мальчик не мог ни есть, ни пить без посторонней помощи, не мог даже согнать назойливую муху со своего лица. Старший отряда привязал конец веревки к луке своего седла. Госпожу Оулэн и ее слуг связали, скудные пожитки ханской вдовы погрузили на телегу, и отряд двинулся в обратный путь, в ставку Таргултая.

Тимуджен уже несколько часов бежал за лошадью десятника. Мухи облепили его лицо, но он не мог их согнать. Голод мучил его, и жажда его томила, и болели ноги, сбитые на ухабистой дороге, но он молчал, только скрипел иногда зубами да с ненавистью поглядывал на своего мучителя. Тот неспешно трясся на лошади и напевал вполголоса унылую дорожную песню. Скоро сон сморил воина, и тот ехал с закрытыми глазами, свесив голову на грудь.

Веревка, которой Тимуджен был привязан к седлу, понемногу перетиралась о жесткую дубленую кожу. Дорога пошла по краю глубокого оврага, и в самом крутом месте Тимуджен неожиданно прыгнул в сторону, разорвал веревку и скатился по склону на дно оврага, где темнело неглубокое озеро.

Десятник проснулся, закричал, остановил своих людей. Все бросились на поиски беглеца.

Тимуджен с колодкой на шее влез в ледяную воду озера и затих, настороженно поглядывая по сторонам.

Воины Таргултая спустились в овраг, подошли к берегу озера. Мальчик погрузился в темную илистую воду, оставив снаружи только ноздри, и затих. Шаги прозвучали совсем близко.

Ледяной холод пронзил тело Тимуджена, но он только крепче сжал зубы, ни одним звуком не выдав себя.

– Его нигде нет! – крикнул незнакомый голос. – Должно быть, щенок утонул!

– Туда ему и дорога! – отозвался десятник. – Так и доложим господину Таргултаю...

Воины еще немного походили по берегу и удалились, негромко переговариваясь.

Сверху донесся удаляющийся топот копыт, и скоро все стихло, но Тимуджен не торопился вылезать из озера. Он ждал от врагов какой-то хитрости, кто-то мог вернуться.

И он оказался прав.

По склону оврага простучали конские копыта, и раздался негромкий голос:

– Выходи, молодой господин. Я не сделаю тебе ничего дурного. Я видел тебя, но не сказал десятнику.

Тимуджен не шелохнулся. Это могло быть ловушкой... воины Таргултая хитры и коварны...

– Выходи, господин! – повторил тот же голос. – Не бойся меня! Я был воином твоего отца. Твой отец был великим вождем. Я никогда его не забуду.

Тимуджен поднялся из воды и увидел старого воина Сельджуза. Сельджуз сидел верхом на низкорослой серой лошади, еще одна была рядом с ним, в поводу.

Спешившись, старик снял с Тимуджена колодку, протянул ему мех с кобыльим молоком, сам стал разводить костер, чтобы отогреть мальчика после ледяной воды.

Когда Тимуджен напился и отогрелся возле костра, Сельджуз подал ему повод второй лошади и сказал:

– Поезжай на закат солнца, сын Есугей-багатура, там кочуют родичи твоей невесты Бортэ. Хунгариты помогут тебе, дадут тебе кров и пристанище. Хунгариты свято блюдут законы степей, законы верности и гостеприимства.

– Спасибо, – проговорил Тимуджен, садясь на лошадь. – Я не забуду твою верность, Сельджуз!

– Верность и храбрость не требуют награды, – ответил старик. – Они сами – награда!

Я наскоро просмотрела листочки и запрятала подальше, отчего-то не выбросив, как остальной хлам в теткиной квартире. И позабыла про них.

Тем временем в моей жизни намечались некоторые перемены. У меня появился знакомый, который в недалеком будущем вполне мог перейти в разряд мужей.

Шефа нашей фирмы обуяла гордыня, и он решил заказать рекламный ролик на телевидении. Больших денег, однако, тратить на это не хотел. Поэтому выбрал не главный канал и даже не второстепенный, а самый завалящий. Посмотрим, мол, будет ли польза, а там можно и на Первый обратиться. Или на «Россию».

И к нам в офис явились трое парней, двое таскали аппаратуру и были мрачны и немногословны, третий был режиссером и сценаристом в одном лице. Увидев этого третьего, все наше дамское поголовье дружно потеряло голову, включая очередную секретаршу шефа Лидочку,

которую он только что свозил на Мальдивы, и главбуха Нину Алексеевну пятидесяти трех лет от роду.

Парень был очень даже неплох. Темные волосы, слегка вьющиеся от природы, яркие синие глаза и широкая обаятельная улыбка. Этой улыбкой он меня и зацепил, как, впрочем, и всех остальных, кроме дурехи Лидочки, которая замирала исключительно от причастности его к сказочному миру телевидения. Какая уж тут причастность – на заштатном канале рекламные ролики клепать...

А я, как уже говорилось, – худощавая брюнетка, очень стильная, одеваюсь с большим вкусом, это у меня не от матери, а от природы. Глаза у меня темные, очень яркие, расставлены широко, от этого взгляд получается таинственный. Иногда я могу сделать его многообещающим, иногда – жестким.

В общем, мне не понадобилось много времени на то, чтобы Антон из всех наших офисных красавиц выбрал меня.

Можете себе представить, у него даже не было машины. И вообще, он был какой-то бесшабашный, совершенно не думал о будущем. Правда, первое время я тоже совсем не думала о том, что будет дальше. Как-то хорошо и весело проводили мы с ним время.

Ни разу не было у меня ни с кем таких легких и, в общем-то, безоблачных отношений. Возможно, это оттого, что встречались мы в моей собственной квартире. Антон жил с мамой примерно в такой же двухкомнатной квартирке, в какой выросла я.

На работе мне сделала комплимент даже старая гримза Нина Алексеевна – дескать, хорошо выглядишь, все тебе идет, и глаза сияют. По прошествии пяти месяцев Антон познакомил меня с мамой, бывшей учительницей. И этим все сказано. То есть мама была со мной подчеркнуто вежлива, но все время поджимала губы. Потом оживилась и стала показывать семейные фотографии.

Альбом весь был заполнен Антошей. Все девочки в детском садике, в школе и в институте были в него влюблены. Сообщив это, мама поглядела на меня с хитрецей. Я усмехнулась про себя – кто бы спорил...

Нас считали красивой парой, шло время, и мама перестала поджимать губы, теперь она смотрела на меня с большим опасением, что явно говорило о серьезности намерений ее сына.

Несомненно, он был в меня влюблен, такие вещи женщина видит четко. Кажется, я тоже позволила себе увлечься. Да что там, я даже на время позабыла про карьеру. И как-то, проснувшись рано утром и разглядывая спящего Антона, я сообразила, что нужно выйти за него замуж. В самом деле: у меня появится статус замужней женщины, я наконец успокоюсь и займусь собственной карьерой. А что муж не банкир и не сидит на нефтяной трубе, так зато он красив, мы прекрасно смотримся вместе. И со временем под моим чутким руководством он достигнет чего-то на своем телевидении.

И последнее: вместо раскладного дивана мы купим двуспальную кровать, и я не буду просыпаться так рано.

На то, чтобы внушить эту мысль Антону, у меня ушла неделя. Но, разумеется, возникло препятствие в лице мамы.

Мама не стала действовать в лоб и обливать меня грязью. Она плакала и умоляла сына не бросать ее одну в старости. Она вовсе не против его женитьбы, но он ведь уйдет к жене, а вдруг ей станет плохо ночью, и даже «Скорую» вызвать некому.

К моему удивлению, при всей своей бесшабашности Антоша оказался нежным сыном. Мама совершенно правильно рассчитала, что я не стану жить в их двушке – зачем мне этот геморрой?

Но тут судьба подбросила мне еще один подарочек.

Как уже говорилось, квартирка от тетки мне досталась в высотном доме, но на первом этаже. Дом стоял на проспекте возле станции метро. Поэтому ничего удивительного, что на

дом обратила внимание фирма по продаже якутских алмазов. Они захотели сделать на первом этаже шикарный ювелирный салон и для этой цели выкупить весь первый этаж. Как-то вечером ко мне явился их представитель. Поговорив с ним и наведя справки, я поняла, что люди они серьезные и готовы на многое.

На следующий день я быстренько обрисовала Антону ситуацию – вместо наших двух квартир мы получаем просторную трехкомнатную в удобном районе с хорошим ремонтом. Разумеется, он загорелся и сказал, что маму берет на себя.

Мы поженились через две недели – фирма торопила с оформлением документов.

Когда закончился переезд, который, как известно, хуже пожара, свекровь начала усиленно портить мне жизнь. Она ныла, ворчала, наговаривала на меня Антону, устраивала сердечные приступы не реже двух раз в неделю.

Она нарочно покупала в магазине жирные творог и сметану, хотя прекрасно знала, что я не ем жирного. Она готовила наваристые щи с мясом и обижалась напоказ, когда я отказывалась их есть. Она нарочно кормила Антона за ужином копченой рыбой, запах которой не выведешь никакой зубной пастой. Она из принципа не включала посудомоечную машину и мыла посуду вручную хозяйственным мылом, так что все чашки и тарелки были серыми и липкими на ощупь. Она запихивала в стиральную машину все подряд, так что ее теплое белье ядовито-розового цвета линяло на мои шелковые блузки.

Я не стала ждать, когда эти досадные мелочи окончательно выведут меня из себя. Я выкроила время и явилась как-то домой пораньше, зная, что у Антона поздний эфир, и разобралась со свекровью раз и навсегда. Я доходчиво объяснила ей, что квартира куплена благодаря мне, наглядно с цифрами в руках продемонстрировала, сколько получает ее обожаемый сын и сколько я.

Стало быть, они с сыном живут на мои деньги. И что если она хочет, чтобы ее сын благоденствовал, то она, как в старом анекдоте, должна раз – сидеть и два – тихо. И не мешать нам с ее сыном работать и делать каждый свою карьеру. И помнить, что ее спокойная и сытая жизнь зависит только от меня. И не злить меня понапрасну, потому что если дойдет дело до открытой вражды, то ей против меня не выстоять ни раунда.

После этих слов свекровь посмотрела мне в глаза и поверила. С этого дня в доме настал относительный покой, а я окунулась в заботы о муже и собственной карьере.

Потихоньку я сумела убедить Антона, что бесшабашный мальчишеский вид хорош не всегда, может и надоест. Я постригла его в своем салоне, помогла выбрать соответствующую одежду. После нескольких визитов к моему же стоматологу его улыбка стала ослепительной. Мои заботы незамедлительно принесли свои плоды – Антона взяли в кулинарное шоу. Там стареющая телезвезда делала вид, что готовит экзотические блюда, а Антон должен был делать вид, что их пробует и ему все безумно нравится. При этом еще и разговаривать. Все же по сравнению с рекламными роликами это был хоть какой-то прогресс.

Пристроив мужа и утихомирив свекровь, я окунулась в работу. Все шло неплохо, пошел второй год нашего брака. О ребенке мы с мужем по общему согласию даже не заговаривали – не время.

Все рухнуло меньше месяца назад, в мае, как раз после моего двадцать восьмого дня рождения. Говорят же, кто в мае родится – намается. Как-то я раньше не верила пословицам. Выходит, зря.

Но тогда я не подозревала, что над головой моей сгущаются тучи. Я подарила себе на день рождения новую машину – красную «Мазду» – и пригласила мужа и свекровь в ресторан. Вроде бы неплохо посидели.

Ирина осторожно открыла дверь и остановилась за спиной художника, боясь побеспокоить его случайным звуком, шорохом, самым фактом своего присутствия. Алоиз стоял перед

мольбертом и наносил по нему удар за ударом, как будто в его руке была не кисть, а шпага или меч.

Наконец он остановился, отступил на шаг от мольберта, опустил руки.

Только теперь женщина решилась напомнить ему о себе.

– Ты звал меня?

– Да, я хочу, чтобы ты взглянула на нее.

Алоиз отступил в сторону, и Ирина увидела на холсте лицо. Женское лицо. Смуглая кожа, чуть приподнятые скулы, удлинённые глаза и густые темные волосы.

Ирина неожиданно почувствовала укол ревности. Это лицо было ярким, выразительным, женственным. Чего нельзя сказать о ней самой...

Впрочем, кто она такая, чтобы ревновать? Ученица, послушная исполнительница воли Алоиза, не более того!

– Кто это? – спросила она, стараясь не выдать голосом свое волнение.

– Это та женщина, о которой я говорил тогда, во время встречи с адептами. Запомни ее лицо. Звезды выстроились так, что она будет играть важную роль в нашей игре. Сейчас ей на долю выпали серьезные испытания...

Снова я очнулась от воспоминаний, потому что возле двери послышалась подозрительная возня, как будто волокли что-то тяжелое. Бабку он, что ли, возит по полу? Да нет, ее он почему-то не трогает, просто не замечает.

Бум! – в дверь ударили чем-то тяжелым, отчего она отозвалась негодующим гулом.

– Аня-а! – провыли за дверью. – Дай выпить!

Ага, урод продрал глаза и зовет свою Аню, думает, что она здесь. Дворничиха тетя Люся подробно обрисовала мне всю схему. С утра он не то чтобы добрый, но беспомощный. Можно выходить, он не тронет, потому что страдает, даже прощения может попросить. Нужно мне его прощение, как собаке телевизор!

Потом Витенька раздобудет где-то водки или еще какого пойла, нажрется и начнет все крушить, потому что впадет в неопишемую ярость. Все это я наблюдаю уже второй день. Когда он отвлечется или выползет за водкой, можно проскочить мимо и остаться в целости и сохранности. При особой ловкости и везении. Если бы мне нужно было выйти... но мне никуда не нужно. И я никому не нужна. Никто меня не хватится. Есть теперь не захочу до обеда, да все равно денег нету, продукты купить не на что. Ну, когда-то же это кончится...

В дверь упорно стучали, похоже, что Витенька работал головой. У него там монолит, мозгов уж точно нету, давно пропил.

Я отошла от окна и плюхнулась на продавленную кровать, вспоминая по порядку все, что со мной случилось.

Как я уже говорила, наша фирма занимается рекламой и продажами в Интернете. Дела у нас шли не сказать чтобы плохо, но и без особого размаха. Так, серединка на половинку. А тут шеф сумел договориться с руководством одной из самых крупных социальных сетей – с сетью «Однокурсники». Вряд ли помог тот рекламный ролик, что сделал когда-то мой муж, но тем не менее заказ был перспективный и денежный.

Шеф собрал всех сотрудников и полчаса распинался, что это – наш большой шанс, что мы выйдем на совершенно другой уровень, если сможем хорошо справиться с работой и закрепить сотрудничество с такой мощной сетью. В общем, накрутил всем хвост и дал понять, что в ближайшее время придется работать без передышки.

Ну, я-то и без дополнительных накруток работала как зверь, потому что давно усвоила – кроме себя самой, мне рассчитывать не на кого.

Наша задача заключалась в том, чтобы организовать среди пользователей «Однокурсников» эффективную систему виртуальных платежей и, желательно ненавязчиво, встроить в эту систему контекстную рекламу. Все наши сотрудники бились над этой задачей с утра до вечера, отбросив все остальные дела, но шеф оставался недоволен и повторял, что то, что у нас есть, нельзя показывать заказчику.

И тут у меня случился гениальный прорыв.

Подтолкнуло меня к этому вполне реальное событие.

У одного из наших ведущих специалистов по рекламе был день рождения. Фирма сделала ему подарок – новый продвинутый мобильник и организовала праздник. Поскольку, как я уже сказала, рабочая обстановка была очень напряженная, не было никакой выпивки, и даже в ресторан не пошли, а просто устроили чаепитие в офисе. Но зато к чаю заказали огромный торт, на котором вместо обычных поздравлений и банальных пожеланий написали кремом и цукатами самый удачный рекламный слоган именинника.

И тут меня осенило.

Почему всегда рекламу подают отдельно от основного текста? Почему бы не объединить одно с другим – как в нашем случае, совместить торт с рекламным слоганом? Чтобы было немножко понятнее, поясню на примере. Вот, скажем, в газете печатают программу телевизионных передач и тут же, внизу страницы, помещают рекламу препарата против склероза, не помню, как он называется, допустим, склеротин. А почему бы не рекламировать этот препарат прямо в тексте программы? Например, в программе стоит фильм с Шварценеггером «Вспомнить все», а мы добавим – «Вспомнить все вам поможет препарат склеротин».

Конечно, так вписать в текст рекламу довольно трудно, но зато уж никто ее не пропустит!

В общем, я загорелась этой идеей, работала день и ночь и подготовила проект программы, которая могла встраивать рекламу в основной текст, используя смысловые аналогии. И тут мой непосредственный начальник Вася Кротов заметил победный блеск в моих глазах, вызвал в свой кабинет и потребовал отчета.

Я, конечно, девушка опытная, понимала, что он постарается приписать себе все заслуги, и предложила ему честную сделку – докладываем шефу как о нашем общем проекте и делим пополам все дивиденды от моего изобретения.

Кротов меня благосклонно выслушал, милостиво согласился на взаимовыгодную сделку и сказал, что на следующий день вместе со мной пойдет к шефу с докладом.

Я впервые ушла с работы вовремя и в самом замечательном настроении. Мне уже виделось повышение, просторный кабинет на работе, большая зарплата, а там, глядишь, и деньги появятся, можно наконец свекровь отселить...

Утром я пришла пораньше, но почему-то все, кого я встречала в фирме, шарахались от меня, как от зачумленной. Даже секретарша шефа Лялечка, встретив меня в коридоре, не поздоровалась. Ничего не понимая, я пришла на свое рабочее место и увидела, что мой стол открыт, все его содержимое вывалено на пол, а за включенным компьютером сидит Славик из службы внутренней безопасности.

Я попыталась выяснить у него, в чем дело, но он посмотрел на меня с откровенной неприязнью и жалостью и сказал, что меня с самого утра дожидается шеф.

Бросилась в кабинет шефа, но не успела толком ничего спросить – шеф с порога заорал, что я уволена и он постарается сделать так, чтобы меня не взяли на работу ни в одну приличную фирму.

– И скажи спасибо, что я тебя не отдаю под суд! – орал он, брызгая слюной.

– Да что случилось-то? – безуспешно пыталась я добиться.

– Она еще спрашивает! Убирайся немедленно, пока я тебя лично не прикончил!

Я вылетела из его кабинета красная, как переходящее знамя, и совершенно растерянная.

Все сотрудники от меня шарахались, и только лохматый программист Леша Бланк, которому ни до кого и ни до чего нет дела, ввел меня в курс событий.

Оказывается, накануне вечером к нам в фирму нагрянули люди из той самой социальной сети и сказали, что у них случилась серьезная утечка информации – личные данные их пользователей утекли в конкурирующую сеть. Все фамилии, имена, домашние и мобильные телефоны, номера счетов попали в посторонние руки. Разумеется, клиенты были очень недовольны, причем произошла утечка именно тех данных, доступ к которым имела наша фирма.

Шеф всячески оправдывался, лебезил перед заказчиками, обещал немедленно найти виновника и разобраться. Тут же в кабинете присутствовал Вася Кротов, и он с умным видом намекнул, что знает, кто виноват в утечке.

Шеф, конечно, немедленно потребовал объяснений.

Вася стал мяться, жаться, как монахиня на танцах, говорить, что не хотел бы обвинять кого-то без достаточных улик, но на прямой вопрос шефа ответил, что это я виновата. Что я якобы давно хотела перейти к тем самым конкурентам и понемногу сливала им секретную информацию, к которой получала доступ по работе.

И тут же, между делом, Вася изложил шефу мою гениальную рекламную идею. Разумеется, приписав ее себе. И добавил, что поделился со мной этой идеей и теперь боится, как бы я не сбежала с ней к тем самым конкурентам.

Шеф сперва не очень поверил. Он был обо мне лучшего мнения и считал, что я на такое не способна. Не то что порядочность не позволяет, а я не такая дура, чтобы сливать секретную информацию. Потому что за это при неудачном раскладе и сесть можно.

Тогда Кротов предложил проверить мой компьютер.

Шеф упираться не стал, очень уж ему хотелось найти кого-то, на ком можно выместить злость.

Они влезли в мой комп и там нашли переписку с конкурирующей фирмой, да еще исходный файл шпионской программы, предназначенной для скачивания личных данных пользователей...

То есть все ясно и понятно, никаких сомнений – вот он, шпион и предатель!

И вот герой и спаситель фирмы – Вася Кротов, который мало того что придумал гениальный рекламный ход, способный вывести нашу фирму в лидеры рынка, так еще и разоблачил того самого подлого шпиона и предателя!

Кротов действительно придумал гениальную комбинацию – и мою идею заграбастал, и свалил на меня свои махинации.

Ай да Вася, ай да сукин сын! Подозревала я, что он сволочь, но такого не ожидала! Опредил меня по всем статьям. Влез в мой комп, внес туда все нужные файлы, а потом показал шефу.

И что оставалось мне?

Идти к шефу и доказывать, что это я придумала новый рекламный ход, а мерзавец Кротов давно работает на конкурентов и теперь убил двух зайцев одним выстрелом – приписал себе мое изобретение и свалил на меня свое предательство?

Да кто же мне теперь поверит?

Но тем не менее я пошла. Но не дошла, потому что меня не пустила секретарша Лялечка.

Ну, с этой-то я расправилась быстро – просто отшвырнула в сторону, она только пискнула.

Увидев в кабинете подлеца Кротова, я заорала. Не помню что, на этот раз мне изменила обычная сдержанность. Он только усмеялся, пока шеф не рывкнул, чтобы я убиралась вон. Тогда досталось и шефу, я обозвала его старым идиотом и бабником. Шеф начал багроветь и хватать ртом воздух, в кабинет ворвался зам по безопасности Славик и обхватил меня сзади, а Вася подошел и залепил мне пощечину. Гад какой, воспользовался моей беспомощностью!

Поскольку Славик держал меня крепко, я только плюнула Кротову в лицо, а шеф, очулавшись, сказал, что теперь мне работу вообще нигде не найти, какое там в компьютерную или рекламную фирму, на кассу автоматическую в супермаркет – и то не возьмут! Уж он об этом позаботится.

Я присовокупила, что шеф еще и импотент к тому же, это все знают, его секретарши делятся с коллективом интимными подробностями.

Но сказала я это без должного драйва, потому что вдруг почувствовала себя безумно уставшей. И обреченной, как человек, на которого мчится локомотив. Остановить его не получится, отскакивать тоже поздно. В последний момент ветром отбросит на насыпь да там и оставит. И никто не хватится, и никто не вспомнит.

Так и я поняла, что ничего никому не смогу доказать. Никто слушать не станет.

Славик воспользовался временным затишьем и выволок меня в коридор. Там никого не было, сотрудники попрятались по углам. Впрочем, мне было уже все равно.

– Пусти, – буркнула я, когда мы проходили мимо туалета, – мне нужно.

– Вот-вот, иди, освежись, – усмехнулся он, – только не бузи больше, все равно не поможет.

– Дурак ты, – устало сказала я, – все вы тут дураки.

– Ага, одна ты умная... – он сказал это просто так, без особенной злости и насмешки.

– Я тоже дура, – согласилась я, – доверчивая дура. Ладно, счастливо оставаться.

В туалете у зеркала красила губы Лиза Белова. Увидев меня, она посмотрела очень красноречиво. Потом вытащила из косметички салфетку и протянула мне.

Вид в зеркале заставил меня заскрипеть зубами. Сволочь Васька дал мне в морду, и теперь правая щека распухла, и под глазом размазалась тушь. Глаза вообще были какие-то дикие, волосы всклокочены. Я тут же поймала себя на мысли, что мне все равно, какой меня увидят сотрудники. Бывшие сотрудники.

– Рада? – процедила я. – Теперь займешь мое место...

– Возможно, – протянула она, – но прыгать от радости по этому поводу не стану.

– Слушай, но неужели вы все думаете, что все так и было, как говорит Васька? – в отчаянии спросила я, но тут же пожалела об этом, ни к чему заводить пустые разговоры, это ничего не даст, только продемонстрирую им свою слабость.

– Я так не думаю, – ответила Лиза, тщательно подбирая слова, – это не в твоём духе. Очевидно, тут какая-то интрига. Но что ты от меня хочешь? Чтобы я пошла к шефу и сказала ему об этом? Извини, но ты не тот человек, за которого мы вступились бы всем коллективом. Хотя сейчас такая ситуация, что и это бы не помогло.

Я прикинула, кто из сотрудников был бы на моей стороне. Выходило, что никто, за несколько лет работы я не приобрела друзей. Я работала, делала карьеру. Работала, кстати, хорошо, не филонила, не прогуливала, не удирала пораньше. За то и получила.

Я развернулась на пятках и вышла, не сказав Лизе ни слова на прощанье.

У двери ждал Славик. Он держал мою сумку и еще кое-какие вещи из письменного стола, а также тощий конверт с расчетными деньгами. Все успели, гады, специально дали расчет, чтобы я больше на фирме не появлялась.

Дома, к счастью, никого не было. Свекровь умотала куда-то по своим свекровским делам – не то в магазин, не то в поликлинику. Я бросила вещи прямо на пол и прошла в ванную. А когда вышла, малость придя в себя от горячего душа, застала в прихожей свекровь, которая изумленно пялилась на мои сумки.

– Что с тобой случилось? – выговорила она и тут же еще больше вылупила глаза, заметив, надо полагать, мою безобразно распухшую щеку. Еще бы не заметить, когда от горячей воды она стала пунцовой. – Что у тебя с лицом?

– Рожистое воспаление, – буркнула я первое, что пришло в голову. – Очень серьезная инфекция, вот, с работы отпустили, чтобы сотрудников не заражала...

Свекровь, надо сказать, не шарахнулась от меня в сторону, а в сомнении поджала губы. Антон пришел поздно, мы не успели поговорить.

Следующую неделю я провела в спальне, потому что щека распухла до полного безобразия, не иначе Васька Кротов подпустил мне яду. А что, если речь идет об этом подлеце, я во все что угодно поверю.

Между примочками, припарками и другими лечебными процедурами я обратилась к компьютеру и выяснила, что шеф свою угрозу осуществил – ни в одной более-менее крупной компьютерной фирме не было для меня места. Я перешерстила все мелкие фирмочки, они тоже все были в курсе. Я искала место менеджера или хотя бы просто рядового специалиста по рекламе, но как только называла предыдущее место работы – все переговоры стопорились.

Дело обычное – тот же Лешка Бланк разослал по Интернету предупреждение на мой счет. Как только появится на экране такое сочетание – Динара Гузеева, программа приема на работу сразу его блокирует. То есть меня занесли в черный список.

По прошествии недели я решила обратиться к тем самым конкурентам, которым якобы сливала секретную информацию. Дескать, я на вас работала – так вот она я, помогайте теперь. Это, конечно, было глупо, потому что мне там не просто отказали, а грубый мужской голос мне заявил, чтобы я сидела тихо и помалкивала, если не хочу еще больших неприятностей.

Нет, ну каков Васька, какую змею пригрел шеф на своей груди! Впрочем, меня это уже не касается, шеф тоже хорош.

Все это время мы с мужем не разговаривали. Он приходил поздно, а уходил рано, мы перебрасывались какими-то словами – он спрашивал, где полотенце и носки, а я отсылала его к свекрови, ей, мол, лучше знать, она хозяйством занимается.

Свекровь, кстати, за эту неделю ко мне не вязалась, ее днем не было дома, а вечерами она смотрела телевизор у себя в комнате.

Но как-то в выходной я определила, что лицо у меня более-менее в порядке и нервы тоже слегка успокоились, так что вполне можно поговорить.

В самом деле, я, конечно, всегда знала, что должна заботиться о себе только сама, но Антон все же мой муж. Он должен помочь мне с работой, у них там на телевидении куча народу крутится, кто-то да поспособствует. А я согласна на обычную зарплату, золотых гор не надо.

Ну, не поможет, так хоть выслушает.

Я чувствовала, что если никто меня не пожалеет, я просто сойду с ума. В конце концов, для чего нужны мужья? Все же близкий человек, полтора года прожили...

После обеда, который приготовила свекровь, Антон удалился в ванную, а когда вышел оттуда, благоухающий лосьоном, я слегка удивилась. Он явно брился и вообще наводил красоту. И куда, спрашивается, он намылился? Скажет, что на работу, но его кулинарное шоу записывается рано утром, и уж зубы чистить к нему вовсе не обязательно!

И он не спросил, отчего я неделю валяюсь дома на кровати – такое времяпрепровождение для меня совершенно нехарактерно.

– Антоша, у меня неприятности... – заговорила я неуверенно, – понимаешь, кажется, я потеряла работу...

– Что? – Он искал в шкафу чистую рубашку и не сразу понял, что я обращаюсь к нему. – Что ты сказала? Черт, ну почему в шкафу вечно такой бардак? Ничего не найти!

– Антон, ты меня слышишь? – Я подошла к нему и трянула за плечо. – Мне нужно с тобой поговорить!

– Ну, говори! – Он незаметно посмотрел на часы, отчего я сразу же завелась.

И выдала ему все – про подлеца Ваську и дурака шефа, который пригрел в коллективе змею, про то, как меня подставили и прокатили и теперь я без работы и без перспектив.

– И что же ты от меня хочешь? – протянул Антон.

Я поглядела на него в упор, и он отвел глаза. Да, насчет того, что муж меня пожалеет, успокоит и подставит плечо, я ошибалась. Такого от моего муженька не дождешься.

– Помоги мне с работой! – Я даже расстроилась, до того неуверенно и жалко звучал мой голос. – Наверняка у тебя много знакомых, поговори с рекламодателями, замолви словечко.

– Ну, не знаю... – Он все прятал глаза.

– Что значит – не знаешь? – вскипела я. – Ты полтора года жил, считай, на мои деньги, теперь настало время...

– Все собирался тебе сказать, – Антон, очевидно, принял решение, – да как-то времени не было.

Он помедлил немного, как человек, собирающийся прыгнуть в ледяную реку.

– Понимаешь... я встретил другую женщину...

– Чего? – От удивления я поперхнулась собственными словами и закашлялась. – Нашел время для интрижки!

– Это не интрижка, это очень серьезно! – Он повысил голос и смотрел гораздо тверже, как будто переплыл уже больше половины реки и теперь хоть и холодно, и страшно, и ноги сводит судорогой, но дороги назад нету, вперед ближе.

– Ну что у тебя может быть серьезного... – устало сказала я, я-то прекрасно знала своего мужа. – Ну, завел себе на студии очередную девчонку двадцати лет, они вечно на тебя вешаются. Антон, отвлекись ты от этой ерунды!

Я ни капельки не возмутилась и не обиделась, услышав его признание, – до того ли мне сейчас! Я ему за полтора года не изменяла, а он – возможно, мне некогда было за ним следить и приглядываться.

– Это не ерунда! – Теперь я уловила в его голосе некоторое превосходство. – Пойми ты, я принял важное решение! Эта женщина... она, ей не двадцать лет. И даже не тридцать, как тебе, ей больше. Она вполне состоявшая серьезная дама, у нее свое крупное дело...

– Как это – мне тридцать лет? – по инерции возмутилась я. – Ты что несешь-то, когда мне всего двадцать восемь? То есть... что ты сказал? Твоей тетеньке – сколько? Сорок? Пятьдесят?

– Сорок один! – сказал он, улыбаясь. – Но ее это не портит. Потому что она к своим годам добилась очень многого.

Я молчала, ошеломленная. Сорок один – это серьезно. С дамой сорока одного года не закрутишь легкую интрижку. Если мой красавец-муж обратил на нее внимание, стало быть, она привязала его чем-то очень весомым. А чем может привязать состоятельная женщина? Только деньгами. Или связями.

– Выкладывай все, – хмуро сказала я.

Да не надо было и просить, он тут же все выболтал. Ничего нового, кстати, не сказал, я примерно догадывалась.

Эта дама положила на него глаз, когда он по старой памяти явился к ней делать рекламный ролик. И живо взяла быка за рога. Очевидно, у моего муженька хватило ума намекнуть ей, что за небольшие материальные блага типа новой машины или отдыха в пятизвездочном отеле его не купить. А может, она и сама сообразила. Короче, она предложила оказать ему спонсорскую помощь, то есть оплатить его собственное ток-шоу – не на главных федеральных каналах, конечно, но рангом повыше, чем тот, на котором он в данный момент подвизался. Деньги, конечно, немалые, поэтому бизнес-леди вовсе не собиралась отдавать их просто так, за красивые глаза. Она решила выйти за Антона замуж, очевидно, ей тоже понадобился статус. Деньги у нее есть, так что красивый муж не помешает. Я в свое время рассуждала примерно так же. С той только разницей, что тогда Антон был свободен.

– Та-ак, – протянула я, выслушав его рассказ. – Та-ак... Приплыли. И что же ты, муженек, от меня хочешь?

– Я хочу развестись, – сказал он твердо, – и как можно скорее.

Я поглядела на него пристально, он не отвел глаз. Что-то уж больно расхрабрился, неужели у меня такой жалкий и беспомощный вид? Хотя нет, скорее, чувствует поддержку.

– С чего такая спешка? – пробормотала я.

– Шура торопит! – Он улыбнулся, и я отметила машинально, что улыбка у него стала не такая обаятельная, как прежде. Программная стала улыбка, профессиональная, заученная, как будто он долго репетировал ее перед зеркалом.

– Шура? – фыркнула я. – Ну и ну! Выразительное имя! А если я не дам тебе развода?

– Лучше нам договориться полюбовно, – сказал он уверенно, – ты уж поверь...

Я не поверила, и на следующий вечер бизнес-леди явилась к нам в дом. Увидев ее, я онемела.

Представьте себе плотную такую коренастую тетку с деревенским румянцем во всю щеку. Глазки у нее были маленькие и необычайно подозрительные, это уж от природы. Да еще и подведены густо по моде двадцатилетней давности. Волосы коротко стриженные, обесцвеченные, да еще и тени голубые аж до самого лба. Губы щедро намазаны ярко-красной помадой.

– Здравствуйте, Шура, – сказала я.

– Кому Шура, а кому – Александра Ивановна Аксюта, – ответила она совершенно серьезно, затем прошла в гостиную и без приглашения расселась на диване.

Я перевела взгляд на Антона – боже мой, настолько неподходящих друг другу людей я не видела в жизни! Как же он с ней будет куда-то ходить? А он не будет, тут же поняла я, ей некогда, она в своем бизнесе, а он – в своем ток-шоу. Но вот как же с ней спать... Ну ничего, постарается...

– Хм, – откашлялась мадам Аксюта, – я – человек занятой, мне попусту болтать некогда. Значит, мое предложение такое. Вы быстренько подаете на развод, и как только у тебя, Антон, будут на руках документы, мы расписываемся, и я перевожу деньги на телеканал. Пока там переговоры предварительные проведи, кое-что уже наклеивается.

– А если долго будут документы оформлять? – робко заикнулся Антон.

– А ты заплати за срочность, если хочешь, чтобы быстрее было, – отмахнулась Шура.

– Минуточку, – вмешалась я, – мы еще не решили, станем ли разводиться. Может, я не согласна...

– А кто тебя спрашивает? – мерзкая баба пожала плечами. – Что вас связывает? Детей нету...

Я прислушалась к себе и поняла, что тут она права, нас с мужем ничего не связывает. Полтора года прожили вместе – и я готова расстаться с ним в любой момент, даже вспомнить нечего. Но просто так сдаваться этой отвратительной бизнес-леди я не собиралась. Да что она себе возомнила? Тоже мне – хозяйка жизни!

– Не дам развода – и все тут! – сказала я. – Буду тянуть время, не являться в суд, а вам время дорого, ему ток-шоу заполучить невтерпеж...

– Дина, ну давайте же будем интеллигентными людьми! – это вмешалась свекровь, которая подслушивала под дверь, а теперь не утерпела и вставила словечко.

– С чего это вдруг? – холодно удивилась я. – И вообще, вы-то что встречаете? Это вас не касается, мы с вашим сыном уж как-нибудь сами разберемся.

– Как это – не касается? – свекровь всплеснула руками. – Я же человек не посторонний! Я родная мать! И желаю своему сыну всяческих благ! А не ты ли сама говорила мне, что это в моей жизни должно быть главное! И теперь я точно знаю, что с Александрой... Ивановной ему будет лучше! Потому что с тобой у него нет никакого будущего! С карьерой ты ему помочь не сможешь, у тебя теперь будут большие проблемы с работой.

– А вы откуда знаете? – дернулась я. – Подслушивали?

– Зачем подслушивать? Я никогда не подслушиваю! Вот, я из почтового ящика вытащила.

Она протянула мне большой незаклеенный конверт, там были какие-то документы и трудовая книжка, очевидно, принес курьер с работы и опустил в почтовый ящик.

– Мама права, – Антон нарушил затянувшееся молчание, – лучше тебе не сопротивляться.

– Допустим, – протянула я, – но если вам так срочно, то вы должны заплатить мне отступные...

– С какой стати? – заорали мать с сыном хором, хотя я даже не успела назвать сумму.

Нет, ну с кем я жила полтора года! А свекровь – это же ужас какой-то, она еще говорит об интеллигентности!

– Теперь насчет жилплощади, – заговорила мадам Аксюта, – мне, конечно, все равно, квартира не моя, но вот мама... – она махнула рукой с толстыми пальцами, униженными жуткими кольцами, – мама хочет остаться здесь.

– А мне куда? – я оторопела.

– Тебе что-нибудь подберем, – теперь мадам махнула рукой неопределенно, на пальце сверкнул бриллиант величиной с булыжник, который, как известно, оружие пролетариата, – однушку какую-нибудь. Я в строительном бизнесе работаю, это не проблема...

– Ага, сейчас, однушку! – Я вконец разозлилась. – Меньше двухкомнатной ни за что не возьму! В приличном районе, и дом чтобы новый, с охраной и парковкой! Этаж не первый, не последний, и чтобы обязательно балкон или лоджия...

Я запнулась, наткнувшись на взгляд мадам. Очень мне не понравился ее взгляд. И вид тоже. Щеки ее из просто румяных стали малиновыми, а глаза спрятались в щелочки и оттуда сверкали уже не всяческим недоверием, а самой настоящей злостью.

Аксюта вскочила с дивана и рявкнула:

– А губа не треснет? Ты, шавка подзаборная, заткнись и бери, что дают, пока я не передумала! И на моей дороге не становись – раздавлю, мокрого места не останется!

– Ах ты! – Я почувствовала, что бешенство заливает мне глаза. – У себя на стройке на работяг ори! Пошла вон из моего дома! Я пока еще тут хозяйка! А ты, – я повернулась к мужу, – кому проданся, идиот! Она же тебя с потрохами сожрет и не подавится! Не дам согласия ни на развод, ни на размен!

С этими словами я покинула гостиную и захлопнула за собой дверь спальни.

– Пожалеешь потом, да поздно будет! – сказала вслед Аксюта, теперь в голосе ее было олимпийское спокойствие.

Через некоторое время хлопнула входная дверь, очевидно, Аксюта ушла, Антон тоже. Свекровь поскреблась в мою дверь, бормотала что-то, но я обозвала ее старой сводней и послала подальше открытым текстом, после чего она удалилась к себе.

Только я начала засыпать, как явился Антон.

У нас на дверях спальни нет ни замка, ни задвижки, так что он вломился в комнату и начал скандалить.

Наслушалась я о себе таких вещей, что только диву давалась. Сама, разумеется, в долгу не осталась, уж очень он меня разозлил. В самом деле – если бы не я, он до сих пор сидел бы на заштатном канале со своими роликами. Кто привел в порядок его внешний вид? Кто на свои деньги покупал ему модную одежду? Кто пристроил его к собственному стоматологу? И теперь этот альфонс решил переметнуться под крыльшко мадам Аксюты! Да и черт бы с ним, но он хочет меня еще и обобрать! Этот номер не пройдет!

В процессе разговора мы ругались, как извозчики, обзывали друг друга вовсе уж неприличными словами, я пыталась драться, но он ловко перехватывал мою руку. Наконец я исхитрилась и пнула его ногой под коленку, да так сильно, что он окончательно озверел.

– Все шмотки твои к чертям перережу! – орал он, прыгая на одной ноге.

– Ты что – совсем с ума сошла? – вторила ему свекровь. – У него же утром эфир!

– А мне теперь плевать! – ответила я, с удовлетворением глядя, как свекровь подставляет плечо и волочит своего дорогого сыночка в ванную на санобработку.

Однако, оставшись одна, я призадумалась. Антон дошел уже до ручки, меня совершенно не боится, а тут еще я разбила ему колено. Знаю, как трепетно он относится к собственной внешности, так что сейчас совершенно озверел. Поэтому ночью спокойно может зайти в спальню и испортить мою одежду – так, из вредности. Я не могу запереться на ключ – замка нету. Подумав немножко, я решила отнести пока самые ценные вещи в машину, что стояла во дворе. Потом придумаю, куда все это деть, а пока пускай в багажнике несколько коробок полежат.

Антон лежал на диване в гостиной, свекровь забинтовала ему колено и принесла чаю с лимоном, печенья и фруктов. Конфеты он не ест, зубы бережет, кофе тоже не пьет.

Я тихонько вынесла две коробки и чемодан и уместила все это в багажник своей «Мазды».

Из-за сложных семейных отношений спала я очень плохо. Долго ворочалась в кровати, безуспешно пытаясь заснуть. Раньше в таких случаях люди считали овец или слонов, сейчас это неактуально, и я считала в уме фирмы, в которых мне показали на дверь за последние дни, и те, которые мне еще предстояло посетить, хотя что-то подсказывало мне, что толку от этих посещений не будет.

Понятно, что такое занятие не способствовало здоровому крепкому сну. Однако постепенно усталость брала свое, глаза у меня уже начали слипаться, перед ними поплыли какие-то бессмысленные цветные узоры, и мне начал сниться сон.

Тимуджен два дня ехал на закат солнца, но все еще не видел кочевья хунгаритов. Голод и усталость лишили его сил. Кобыла его тоже спотыкалась от усталости. Когда солнце начало второй раз клониться к закату, впереди показался крутой обрывистый холм, на вершине которого виднелось сухое дерево. На этом дереве сидел черный ворон и мрачно смотрел на маленького всадника.

Лошадь Тимуджена остановилась как вкопанная и громко заржала. Черный ворон хрипло каркнул, словно ответил лошади Тимуджена на ее приветствие.

– Иди вперед, глупая скотина! – проговорил мальчик и ударил лошадь пятками. – Иди вперед, нам еще далеко до привала! Иди вперед, если не хочешь пойти на корм волкам!

Но лошадь и не думала идти.

Тимуджен обругал ее и снова взглянул на вершину холма.

Там, где прежде был только черный ворон, теперь стоял старик с редкой белоснежной бородой, в черном плаще из шкуры яка. Старик смотрел на Тимуджена, опираясь на длинный суковатый посох.

– Здравствуй, старый человек! – приветствовал его Тимуджен. – Не скажешь ли, далеко ли до кочевья хунгаритов?

– Здравствуй и ты, Тимуджен, сын Есугей-багатура! – ответил старец хриплым голосом, напоминающим воронье карканье. – Здравствуй, властитель тысячи народов!

– Должно быть, ты шутишь, старый человек, – пробормотал мальчик. – У меня нет ничего, кроме этой старой упрямой кобылы. А откуда ты знаешь мое имя?

– Мне назвал его западный ветер.

– Должно быть, ты все же шутишь, старый человек. Ответь же, далеко ли становище хунгаритов?

– Один дневной переход. Однако, прежде чем отправиться в путь, благородный Тимуджен, ты должен посетить мое скромное жилище и отведать моего угощения. Ты знаешь закон степей – встретив одинокого путника, я должен оказать ему гостеприимство. Так исстари повелось на нашей земле...

– Я знаю закон степей, старый человек, – учтиво ответил Тимуджен. – Однако я не вижу твоего становища. Не вижу ни лошадей, ни стада овец, не вижу твоей юрты.

– Это не беда! Бескрайняя степь – самая богатая юрта, западный ветер – самый быстрый конь, стада диких гусей многочисленнее, чем отары самого богатого нойона.

Старик хлопнул в ладоши, и Тимуджен увидел пылающий костер, а над ним – огромный котел, в котором варилось мясо.

– Благодарю тебя, старый человек! Я и вправду голоден! – Тимуджен спешил, подошел к костру и уселся на черную кошму, расстеленную на земле.

Они сидели возле костра, ели сочное вареное мясо и пили кобылье молоко. Солнце закатилось за далекие холмы, и в степи наступила ночь. Небо покрылось тысячами и туманами ярко сияющих звезд. Вдалеке послышался волчий вой, и кобыла Тимуджена забеспокоилась. Тимуджен насытился, перевернул свою пиалу, вытер руки о кошму, и тогда старик поднялся и громко хлопнул в ладоши.

– Прости меня, благородный Тимуджен, – проговорил он. – Я должен покинуть тебя ненадолго, чтобы поговорить со своим родичем. Я знаю, что оставлять гостя в одиночестве неучтиво, но это очень важный разговор.

– Но я никого не вижу вокруг! – воскликнул Тимуджен удивленно. – С кем ты собираешься говорить, старый человек?

– Если ты никого не видишь – это не значит, что здесь никого нет. Настоящий воин должен видеть невидимое и слышать неслышимое. Жди меня, Тимуджен, я скоро вернусь!

С этими словами старик скрылся в темноте.

Тимуджен не сдержал своего любопытства, он встал и пошел следом за стариком.

Пройдя сотню шагов, он остановился: впереди в темноте виднелся неяркий огонь. Маленький костер горел в степи, а возле костра темнела сгорбленная фигура старца. Старик огляделся по сторонам, поднес руки ко рту и завыл волчьим голосом.

И тут же из темноты донесся ответный вой.

Старик снова завыл – и тут же из тьмы вышел огромный старый волк с седым загривком и шрамом на морде. Волк остановился в нескольких шагах от огня, запрокинул морду к небу и снова громко завыл.

– Слышу тебя, Серый Брат! – проговорил старик, не сводя глаз с волка. – Слышу и понимаю. – Здравствуй, Серый Брат! – продолжал старик. – Хороша ли была твоя охота?

Волк коротко взвыл, словно ответил старику.

– Я рад за тебя, Серый Брат. Но я не для того позвал тебя из ночной степи. Видишь ли ты мальчика, который прячется в темноте за моей спиной?

Тимуджен вздрогнул и отступил дальше в темноту. Старик же продолжил:

– Это великий воин, которому суждено объединить все степные племена и стать владыкой тысячи народов, властелином всего мира. Цари будут подавать ему стреля и прислуживать за обедом, ханы будут на коленях ждать перед его юртой, пока он соизволит решить их судьбу. В седельной сумке своего коня он пронесет по всему миру священный закон нашей степи, донесет его до последнего моря, в котором каждый вечер тонет солнце. Ты, Серый Брат, много лет верно хранил бесценное сокровище, а до тебя это сокровище хранил твой отец и отец твоего отца. Теперь настало время, которого мы ждали. Этот мальчик – тот самый человек, которому мы должны передать Венец Власти. Ты знаешь, Серый Брат, что нужно делать.

Волк развернулся и неспешно, размеренной трусцой побежал в темноту. Старик встал, разбросал посохом догорающие угли костра и пошел следом за зверем.

И Тимуджен не удержался, поплелся по степи за удивительным стариком.

Они шли недолго, хотя в темноте путь показался Тимуджену длинным и трудным. Они то взбирались на холмы, то спускались в заросшие кустарником ложбины. Где-то вдалеке ухал филин, тоскливо кричала ночная птица, словно неприкаянная душа. Наконец из ночной тьмы выступила огромная масса, еще более темная, чем ночь. Волк остановился перед ней, запрокинул голову к небу и завыл. И тотчас из-за туч выглянула луна, озарила степь своим мертвенным светом, и Тимуджен увидел возвышающуюся впереди скалу, похожую на сидящего медведя.

Волк подбежал к скале, прыгнул на широкий уступ, пригнул голову, словно поклонился своему волчьему владыке, и поскреб камень когтистой лапой.

– Спасибо тебе, Серый Брат! – проговорил старец, и волк тут же исчез в темноте. А старик обернулся и выкрикнул своим хриплым, каркающим голосом: – Подойди ко мне, Тимуджен, сын Есугей-багатура! Подойди ко мне, великий воин!

Тимуджен замешкался, и старик повысил голос:

– Не медли! Твоя судьба ждет тебя! Тот, кто не слышит голос судьбы, никогда не станет властелином тысячи народов!

Тимуджен шагнул вперед, подошел к скале и поднялся на уступ, где ждал его старец.

Перед ними была ровная поверхность скалы. Старик поднял руку и проговорил:

– Тот, кто таится во тьме и видит каждый наш шаг! Тот, кому ведомы дороги зверей и понятны голоса птиц! Тот, кто стар, как горы, и молод, как весенний ручей! Великий Тенгри, открой нам врата тайны!

Ничего не изменилось, но старик взял Тимуджена за руку и шагнул вперед.

Казалось, сейчас он уткнется лицом в камень, в кровь разобьет свое лицо о скалу – но случилось иначе: в скале открылся проход, и Тимуджен вместе со своим провожатым вошел в пещеру.

Старик хлопнул в ладоши – и в руке его оказался горящий факел, озаривший пещеру неровным багровым светом. Этот свет залил закоулки пещеры, ее крутой свод, ее темные углы, он осветил в беспорядке сваленные в ней сокровища. Никогда Тимуджену не приходилось видеть ничего подобного.

Когда его отец, Есугей-багатур, был повелителем многих племен, он владел многочисленными стадами и несметными сокровищами. В его сундуках было дорогое оружие из Дамаска и китайские шелковые наряды, золоченая сбруя из Хорезма и узорные хоросанские ковры. Но в сравнении с тем, что увидел Тимуджен в этой пещере, сокровища отца показались ему черепками нищего гончара.

Здесь были золотые и серебряные сосуды из заморских краев, кубки, украшенные драгоценными камнями, изумрудные и сапфировые ожерелья и браслеты, ларцы и шкатулки из слоновой кости, усыпанные рубинами и смарагдами.

Но больше всего поразило Тимуджена оружие – мечи и сабли с драгоценными рукоятками, диковинные кинжалы и кривые ятаганы... Тимуджен протянул руку к длинному мечу в золотых ножнах, но его остановил хриплый окрик старца:

– Остановись, безумец! Если ты тронешь хоть что-то – тебя постигнет гнев Тенгри, тебя постигнет страшная смерть! На это сокровище наложено древнее заклятие!

– Но тогда зачем ты привел меня сюда, старый человек? – раздраженно выкрикнул Тимуджен. – Только затем, чтобы подразнить видом этих сокровищ?

– Нет, – ответил старик. – Я привел тебя, чтобы отдать тебе самое дорогое, что спрятано в этой пещере. То, в сравнении с чем меркнут все драгоценные камни, тускнеет все золото мира.

Он прошел в глубину пещеры, наклонился и что-то поднял.

Вернувшись к Тимуджену, протянул ему небольшой головной обруч из тусклого металла с красным камнем посередине.

– Возьми это, Тимуджен, сын Есугей-багатура, – проговорил старик торжественно. – Возьми этот венец и храни его как зеницу ока...

– Не больно-то он хорош... – разочарованно протянул Тимуджен. – Мне больше нравится меч...

– Ты еще очень молод, Тимуджен! – вздохнул старец. – Ты еще молод, поэтому не можешь отличить подлинную драгоценность от блестящей побрякушки. Этот венец – величайшее сокровище мира, он принесет тебе победу над всеми врагами и покорность тысячи племен. Возьми его, Тимуджен, сын Есугей-багатура! Возьми и береги, как свою жизнь!

– Я возьму этот венец из уважения к тебе, старый человек! – согласился Тимуджен, но все же еще раз с сожалением взглянул на драгоценный меч.

Старец снова громко хлопнул в ладоши – и тотчас все пропало: и пещера, и наполнявшие ее сокровища...

Тимуджен лежал на кошме возле догорающего костра, а над ним, как драгоценные камни, сверкали тысячи звезд.

Он приподнялся на локте и с сожалением огляделся по сторонам.

Никого не было возле костра, никого, кроме него. Стреноженная лошадь паслась поблизости, опасливо косясь в темноту.

«Выходит, все это мне только приснилось? – подумал Тимуджен. – И странный старец, похожий на ворона, и послушный ему волк, и пещера, полная несметных сокровищ...»

Из темноты донесся голодный волчий вой. Лошадь испуганно заржала, переступила связанными ногами, сдвинувшись ближе к костру, ближе к хозяину.

Тимуджен подбросил в костер немного сухого валежника. Пламя вспыхнуло ярче, отодвинув темноту и таящуюся в ней опасность. Тимуджен снова лег, подложив под голову мешок, уставился в ночное небо, густо усыпанное яркими степными звездами. Перед его глазами снова засверкали сокровища из его сна... вот бы снова увидеть во сне ту пещеру!

Что-то ему мешало.

Он вытащил из-под головы мешок, запустил в него руку и нащупал твердый круглый предмет. Вытащил, взглянул при свете костра...

Это был головной обруч из тусклого серебристого металла с красным камнем посередине.

Тот самый обруч, который отдал ему похожий на ворона старик из его сна... так, значит, это был не сон?

Внезапно мой сон прервался, я проснулась, пытаюсь понять, что меня разбудило. Наконец я осознала, что с улицы доносится до боли знакомый звук: жалобно выла сигнализация моей машины.

Всякий автомобилист кидается на этот звук, как молодая мать на плач своего единственного ребенка. Я не была исключением и тут же вскочила и бросилась к окну.

Пока я добежала до окна, завывания сигнализации прекратились, захлебнувшись в странном гудении, как будто мою бедную машинку кто-то придушил. Я припала к стеклу и увидела страшную картину, которая могла привидеться мне только в кошмарном сне: моя чудесная новенькая красненькая «мазdochка», моя гордость, горела темно-багровым пламенем, пылала, как костер в ночном лесу!

Возле нее бегали полуодетые встревоженные люди. Один из них возился с огнетушителем, другой звонил по мобильному, должно быть, вызывал пожарных и милицию, остальные просто паниковали, переживая за свои машины.

Я охнула, что-то на себя натянула и бросилась на улицу.

Вблизи зрелище оказалось еще страшнее, чем из окна.

Моя машина полыхала, как коробок спичек в руках душевнобольного. От нее веяло таким жаром, что у меня затрепали волосы, и я невольно отшатнулась. Вокруг суетились растрепанные, заспанные люди – хозяева соседних машин, которые боялись, что огонь перекинется на их собственность.

В том мужчине, который возился с огнетушителем, я узнала хозяина джипа, припаркованного рядом с моей «Маздой». Он все никак не мог привести огнетушитель в действие – то ли от волнения, то ли огнетушитель был неисправен. Увидев меня, он сквозь зубы чертыхнулся, высказал вкратце, что он обо мне думает, и от злости справился с огнетушителем. Из раструбы хлынула мощная струя пены, как из сопла реактивного самолета, мужик не устоял на ногах и повалился на тротуар, не выпуская огнетушитель. Кто-то из зрителей помог ему встать, он направил струю на пламя, но это было все равно что пытаться залить ведром лесной пожар.

Тут, наконец, с тревожным завыванием подъехали две пожарные машины, из них вылезли большие сильные мужчины в громоздких защитных костюмах, похожие на марсиан, разогнали зевак, размотали шланги и принялись поливать все машины подряд – и мою красавицу (точнее, то, что от нее осталось), и соседние, которые уже начинали дымиться.

– Девушка, не стойте так близко! – проговорил, повернувшись ко мне, один из пожарных. Я что-то хотела ему ответить, но не смогла – зубы у меня стучали, как кастаньеты в руках испанской танцовщицы, меня трясло, как в приступе лихорадки. Пожарный увидел мое лицо и сочувственно покачал головой:

– Твоя, что ли?

Я смогла только кивнуть.

– Да не переживай так! – попытался утешить меня пожарный. – Наверняка ведь машина застрахована?

Я снова кивнула.

Не говорить же пожарному, что у меня в машине лежали чемоданы с одеждой и прочим барахлом. Пришлось бы объяснять слишком многое, практически всю историю, а мне этого совсем не хотелось, кроме того, я сейчас едва могла говорить.

С вещами, оставленными в машине по чистой глупости, придется распрощаться. Что там было-то? Норковая шуба, потому что именно ее мой благоверный грозился испортить в первую очередь, приличное осеннее пальто, новые итальянские сапоги, дорожущее вечернее платье, к нему открытые туфли, парочка костюмов... Да, хорошо хоть хватило ума сохранить документы и кое-какие драгоценности при себе. Ну да ладно, сейчас лето, ни шуба, ни пальто мне не понадобятся еще долго. Что-то подсказывает, что вечернее платье тоже, так что переживем.

Но в главном пожарный был прав. Разумеется, моя машина застрахована. Однако и тут был один небольшой нюанс, который сейчас всплыл у меня в голове.

Дело было примерно месяц назад, еще до начала всех моих неприятностей.

В тот день я подъехала к дому, поставила машину на парковку и задержалась, вынимая пакеты из багажника. Рядом со мной остановился черный «Фольксваген». Его хозяин, толстый молодой парень в свитере от «Лакоста», выбрался из машины и показал мне на небольшую царапину на бампере моей красавицы «Мазды»:

– Глядите-ка, вы где-то приложились!

Я расстроилась.

– Ну, не переживайте, вы же наверняка застрахованы, – поспешил утешить меня толстяк.

– Так-то оно так, – вздохнула я. – Но я не заметила, когда это случилось, не оформила все по горячим следам и теперь набегаюсь и потрачу массу нервной энергии, пока докажу, что это страховой случай, и разберусь со страховой компанией...

– А какая у вас компания?

Я назвала.

– Да! – он сочувственно вздохнул. – В этой компании трудно будет что-то получить, знаю по собственному опыту. Недавно я застраховался в компании «Вест-Страх», вот там любые выплаты без проблем, и условия отличные!

– «Вест-Страх»? – переспросила я с интересом. – У них офис где-то рядом. Правда хорошая компания? У меня как раз прежняя страховка заканчивается...

– Не то слово! – оживился толстяк. – И для новых клиентов у них такие скидки, пальчики оближешь...

В общем, через полчаса я уже стояла в приемной страховой компании «Вест-Страх».

За стойкой сидела девица с кукольным личиком – вздернутый носик, ямочки на щеках, рыжие волосы, уложенные в сложную прическу. Она внимательно разглядывала ногти с потрясающим маникюром – на каждом пальце красовался цветок, причем все цветы были разные. Я подумала, что с таким маникюром ей непросто работать на клавиатуре. Услышав, что я хочу застраховать машину, она заметно оживилась и начала набирать на компьютере мои данные.

Как я и думала, дело у нее продвигалось очень медленно. Мало того, что ей мешал немислимый маникюр, у нее еще были большие проблемы с грамотностью, и вообще мне показалось, что она впервые видит обыкновенный компьютер.

Я уже пожалела, что пришла в эту компанию: если они не могут найти нормальную сотрудницу для работы с клиентами, может, и с остальными вопросами у них такие же проблемы?

Пока эта говорящая кукла пыталась напечатать полис, дверь у нее за спиной приоткрылась, и оттуда выглянул толстый мужик в сером костюме, подозрительно похожий на того парня с парковки, который меня сюда направил.

– Даша, – сказал он кукле. – Сделай мне кофейку!

– Александр Антонович, я сейчас не могу! – простонала она, мучительно пытаясь найти на клавиатуре букву «Ы». – Вы видите, я новую страховку оформляю...

– Знаете что, я, пожалуй, пойду... – проговорила я, заглянув ей через плечо и увидев, что она пишет слово «автомашина» через «Ы».

Тут мужик заметил меня. На лице его тут же возникло выражение неумной радости, и он воскликнул:

– Девушка, вы наш новый клиент? Зайдите ко мне в кабинет, я вам хочу сделать ценный подарок! А за Дашу вы не беспокойтесь, она справится! Девушка толковая...

Я пожала плечами, но все же зашла в его кабинет.

Он тут же вручил мне бутылку французского шампанского и огромный настенный календарь с видами Канарских островов, пообещал, что в будущем году непременно сделает мне скидку в пятьдесят процентов страхового взноса (даже пометил это в своем блокноте), и закончил с подозрительным энтузиазмом:

– Главное правило нашей компании – заботиться о каждом клиенте, как о родном, близком человеке! Понимаю, что это звучит удивительно, но скоро вы в этом убедитесь! В других компаниях клиентам приходится неделями добиваться своих законных выплат, у нас же такие вопросы решаются за считанные минуты...

Пока шеф заливался соловьем, кукольная Даша все же закончила оформлять документы, причем умудрилась сделать всего три ошибки, и я покинула офис компании в несколько раздвоенных чувствах. Условия у них были и вправду выгодные, но все же у меня остались какие-то неясные сомнения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.